

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

НОВАЯ СЕРІЯ.
ЧАСТЬ XVIII.

1908.

НОЯВРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1908.

СОДЕРЖАНІЕ.

П РА В И Т Е Л Ъ С Т В Е Н Н Ы Е Р А С П О Р Я Ж Е Н І Я .

I. Именные высочайшіе указы, данныя Правительствующему Сенату	8
II. Высочайшія повелѣнія	—
III. Высочайшіе приказы по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія	4
IV. Циркулярныя министерства народнаго просвѣщенія	25
V. Отъ управленія пенсіонной кассы народныхъ учителей и учительницъ	28
VI. Опредѣленія основнаго отдѣла ученаго комитета мин. нар. пр.	29
VII. Опредѣленія отдѣла ученаго комитета мин. нар. пр. по начальному образованію	34
Списокъ книгъ, рассмотрѣнныхъ ученымъ комитетомъ и признанныхъ заслуживающими вниманія при исполненіи безплатныхъ народныхъ читаленъ и библиотекъ	36
✓ Г. А. Ильинскій. Значеніе Ассона въ исторіи славянской письменности	1
✓ Н. К. Козминъ. Изъ эпохи романтизма	42
Д. В. Айналовъ. Примѣчанія къ тексту книги „Паломникъ“ Антонія Новгородскаго. IX—XV	81
В. А. Григорьевъ. Административное дѣленіе по учрежденію о губерніяхъ 1775 года	107
В. И. Веретенниковъ. Очерки по исторіи Тайной Канцеляріи Петровскаго времени. 7 (окончаніе)	129

К Р И Т И К А И В И Б Л И О Г Р А Ф І Я .

Ө. В. Тарановскій. Къ исторіи науки положительнаго государственнаго права во Франціи при старомъ порядкѣ	149
Баронъ А. А. Симолинъ. В. М. Устиновъ, Н. Б. Носицкій и М. Н. Герметъ. Основныя понятія государственнаго, гражданскаго и уголовнаго права	170
К. П. Успенскій. R. Charles. The Ascension of Isaiah. London. 1900	179
С. В. Соловьевъ. Проф. Н. И. Стороженико. Очеркъ исторіи западно-европейской литературы. Москва 1908	188
В. К. Клейнъ. А. И. Успенскій. Очерки по исторіи русскаго искусства. Русская живопись въ XV—XVII вѣкахъ. Москва 1908	198
— Книжныя новости	200

См. 3-ю страницу обложки.

ЗНАЧЕНІЕ АЕОНА ВЪ ИСТОРИИ СЛАВЯНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ.

На южномъ берегу Македоніи лежить Халкидическій полуостровъ, который тремя длинными, довольно широкими косами глубоко вдается въ Эгейское море. Самый восточный изъ этихъ полуострововъ, омываемый на востокъ Стримонскимъ заливомъ, а на западъ—Сингитскимъ, называется *Аеономъ* (въ древности *Акти*). Въ геологическомъ отношеніи онъ представляетъ собой не что иное, какъ естественное продолженіе южно-македонскихъ горъ; начинаясь у самаго перешейка, аеонскій горный кряжъ по направленію къ югу постепенно возвышается, достигая у моря исполинской высоты (2 версты). На всемъ своемъ восьмидесятиверстномъ протяженіи отъ перешейка до мыса, эта гора представляетъ собой сплошную панораму картинъ природы волшебной красоты, которая уже давно заслужила ей славу одного изъ поэтичнѣйшихъ уголковъ Европы.

Но еще болѣе, чѣмъ поэтическимъ, Аеонъ славится своимъ *красотеннымъ ореоломъ*: на всемъ православномъ востокѣ онъ называется обыкновенно не иначе, какъ *Святою Горю* (греч. "Αγιος ὄρος, болг. и серб. *Света гора* и т. д.). И въ известномъ смыслѣ вполне заслуженно: въ теченіе почти всего существованія Византийской имперіи, она была „центромъ византийскаго средневѣкового монашества, главнымъ пунктомъ религіозно-созерцательной жизни Византіи и вмѣстѣ съ тѣмъ главною хранительницею церковнаго преданія и христіанскаго просвѣщенія, неборимой твердыней православія, Ватиканомъ Востока“¹⁾.

Если, такимъ образомъ, Аеонъ не совсѣмъ безъ основанія для

¹⁾ *Сokolovъ*, Состояніе монашества въ византийской церкви. Казань, 1904, стр. 214—216.

многихъ миллионовъ людей самой различной національности и теперь является „Святою Горюю“, то не менѣе священна она и для тѣхъ искателей истины, которые въ своихъ изслѣдованіяхъ руководятся только чистымъ интересомъ знанія ради знанія, ничего не оплакивая и ни о чемъ не сожалея, а стараясь только *понимать* и *понимать*. И для такихъ изслѣдователей „Святая Гора“ священна, но священна, конечно, не аскетическими подвигами ея обитателей, а прежде всего—своими безцѣпными историческими, часто единственными въ своемъ родѣ реликвіями. И никогда не кончалъ бы своей статьи, если бы ограничивалъ ея содержаніе только голымъ перечнемъ тѣхъ неисчерпаемыхъ источниковъ всяческаго поученія, которые скрываются въ архивахъ, библіотекахъ, ризницахъ, церквахъ, башняхъ и подвалахъ 20 монастырей Афона и его безчисленныхъ скитовъ и келій. Работники всевозможныхъ специальностей находили, находятъ и будутъ находить въ нихъ огромное и во многихъ отношеніяхъ еще дѣвственное поле для своихъ изысканій. Будетъ ли это лингвистъ, онъ найдетъ здѣсь памятники языка глубокой древности и съ весьма важными и интересными чертами фонетики и морфологии; будетъ ли это классикъ, онъ найдетъ здѣсь весьма цѣнные списки произведеній древнихъ авторовъ; будетъ ли онъ историкъ славянской или византійской литературы, онъ на каждомъ шагу можетъ брать здѣсь полными пригоршнями нужный ему матеріалъ; будетъ ли онъ палеографъ, онъ всегда встрѣтитъ тутъ первостепенные рукописные памятники, нерѣдко притомъ единственные въ своемъ родѣ; будетъ ли онъ археологъ или историкъ искусства, онъ найдетъ тутъ великолѣпные образцы византійской архитектуры, живописи, нѣкоторыхъ художественныхъ издѣлій и пр.; будетъ ли онъ историкъ культуры, къ его услугамъ явятся на Афонѣ цѣлыя горы еще неизданныхъ документовъ и грамотъ на греческомъ, латинскомъ, славянскомъ и другихъ языкахъ, и т. д. Словомъ, среди представителей гуманитарнаго знанія нѣтъ специалиста, которому книжныя и другія сокровища Афона не могли бы дать въ научномъ отношеніи столько, сколько онъ можетъ взять.

Такое огромное и единственное въ своемъ родѣ значеніе Афона для современнаго научнаго знанія обусловлено такимъ же огромнымъ и всеобъемлющимъ вліяніемъ, которое оказывалъ Афонъ на духовную жизнь Византіи и ея культурныхъ спутниковъ: какъ извѣстно, отъ лучей византійской образованности,—лучей то животворныхъ, то мертвящихъ,—не могъ укрыться ни одинъ уголокъ Балканскаго полуострова; не могли избавиться отъ ея чаръ и славянскіе народы, и

о значеніи въ ихъ жизни Византіи можно съ полнымъ правомъ перефразировать то, что одинъ новѣйшій историкъ Сербіи сказалъ о вліяніи Восточной имперіи на сербовъ: „вся политическая и культурная жизнь балканскихъ славянъ вплоть до нашествія турокъ настолько сплетена съ византійской исторіей и проникнута византійскими вліяніями, что византійско-славянскія отношенія въ первые десять вѣковъ славянской исторіи составляютъ сущность славянской исторіи“¹⁾. Но если такъ, то духовный центръ Византіи—Аеонъ одновременно былъ духовнымъ центромъ и православныхъ славянъ Балканскаго полуострова, и все, что мы знаемъ о значеніи его для первой, *mutatis mutandis* должно быть повторено и относительно послѣднихъ.

Какія же причины поставили Аеонъ на такое безпримѣрное и исключительно-почетное положеніе въ огромномъ греко-славянскомъ мірѣ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы найдемъ въ краткомъ историческомъ очеркѣ этой удивительной горы.

Образованіе аеонской монашеской общины теряется въ глубокой древности. По однимъ, первые ананореты появились на Аеонѣ въ царствованіе Константина Великаго (306—337), по другимъ—Констанція (337—361), по третьимъ—Феофанія Великаго (379—395), по четвертымъ—Аркадія (395—408), по пятымъ—императрицы Пульхеріи (V в.) и т. д., но всѣ эти преданія отличаются легендарнымъ характеромъ, и одно можно сказать съ достовѣрностью, что келліоты появились на Аеонѣ уже въ первыя времена существованія монашества на Востоцѣ. Они были разсѣяны по всей Горѣ, не имѣли общей организаціи, но были подчинены монастырю Іоанна Колова (вблизи Іериссо). Такъ какъ жители окрестныхъ селъ, какъ и сама братія монастыря, постоянно препятствовали отшельникамъ заниматься ихъ дѣломъ, самовольно пользуясь ихъ лѣсами и пастбищами, то они испросили въ 872 г. у императора Василя Македонянина охранную грамоту, а когда она не подѣйствовала, то сынъ его Левъ Мудрый особымъ хризовуломъ совсѣмъ освободилъ ихъ отъ зависимости отъ коловитовъ. Съ тѣхъ поръ аеонскіе отшельники наслаждались относительнымъ покоемъ, до тѣхъ поръ, пока арабы не завладѣли островомъ Критомъ и не начали оттуда дѣлать свои опустошительные набѣги на греческіе острова и побережье. Нечего говорить, что и Аеонская Гора не избѣжала ихъ многократныхъ нашествій, результатомъ которыхъ было почти полное развореніе Святой Горы, потерявшей

¹⁾ *Оттожевић*, Византија и срби, I, III.

почти все населеніе: одни монахи были избиты, другіе были уведены въ плѣнъ, а третьи разбѣжались.

Новый періодъ въ жизни Аеона начинается съ серединою X вѣка. Около этого времени (именно около 963 г.) на Аеонъ прибылъ инокъ Аванасій, котораго историки Святой Горы съ рѣдкимъ единодушіемъ называютъ первымъ законодателемъ и основателемъ монашеской республики. Онъ родился въ семьѣ одного трапезундскаго вельможи. По окончаніи образованія въ Константинополѣ, юноша Авраамій, уже тогда проникнутый пламеннымъ стремленіемъ къ аскетизму, предпочелъ отрывавшейся передъ нимъ блестящей политической карьерѣ монашескую командію на пустынной горѣ Климонъ въ Визонціи. Здѣсь онъ близко сошелся съ ея игуменомъ Михаиломъ Малриномъ, черезъ посредство котораго онъ познакомился и съ его племянникомъ, Никифоромъ Фоквой, однимъ изъ величайшихъ полководцевъ Византіи и ея будущимъ повелителемъ. Въ то время Византія переживала эпоху особеннаго духовнаго, въ частности, религіознаго подъема. „Въ воздухѣ, говорить проф. Гельцеръ, вѣяло крестовымъ походомъ. Длинный рядъ блестящихъ побѣдъ очень укрѣпилъ самочувствіе византійцевъ. Истинное дитя этого времени былъ императоръ Никифоръ. Аванасій былъ его духовнымъ отцомъ и сопровождалъ его въ знаменитой экспедиціи на островъ Критъ, который черезъ полтора вѣка опять былъ вырванъ изъ рукъ невѣрныхъ. Въ благочестивомъ акстазѣ Никифоръ обѣщалъ своему другу вступить вмѣстѣ съ нимъ въ число аеонскихъ монаховъ. Тѣмъ болѣе былъ разгнѣванъ Аванасій, когда Никифоръ 16-го августа 963 г. велѣлъ возложить на себя корону. Монахъ поспѣшилъ въ Константинополь и осыпалъ царя горячими упреками. Но послѣдній далъ слово презирать свою корону и величіе и жить на подобіе монаха“ (Vom heiligen Berge und aus Makedonien, S. 16). Это обѣщаніе царя до известной степени примирило съ нимъ суроваго монаха. Вернувшись на Аеонъ, онъ приступилъ къ постройкѣ древнѣйшаго монастыря на Горѣ—Великой Лавры, которая особымъ императорскимъ хризовуломъ была потомъ объявлена независимой отъ всякой духовной или свѣтской власти. Аванасій былъ назначенъ ея игуменомъ, съ правомъ выбрать себѣ преемника. Онъ составилъ для братіи монастыря особый типикъ, принятый крайне суровымъ, ригористическимъ духомъ; между прочимъ, уже здѣсь мы читаемъ знаменитое постановленіе, что на территорію монастыря не смѣетъ вступать не только женщина, но и вообще животное женскаго пола. Этотъ уставъ послужилъ основой для общеаеонскаго типика (такъ

называемаго „трагоса“), утвержденнаго въ 971 г. императоромъ Цимисхиємъ.

Вскорѣ послѣ этого, другъ св. Аѳанасія Іоаннъ Иверецъ, т. е. Грузинъ, построилъ Иверскій монастырь (985 г.), за которымъ одинъ за другимъ стали возникать и другіе. Таковы были, напримѣръ, монастыри: Каракала, построенный римскими выходцами и названный такъ по имени римскаго монаха Антонія Каракаллы; Кутлумушъ, основанный, по всей вѣроятности, однимъ изъ членовъ византійской фамилии Кутлумушей; Ватоподъ, возобновленный въ 980—997 г. тремя адрианопольскими вельможами изъ одной очень древней монашеской обители; Ставроникита, названный такъ по имени одного знатнаго мужа, возстановившаго монастырекъ во имя Чудотворца Николая, который существовалъ уже во время Константина Погоната; Филоееу, считающій своимъ обновителемъ монаха Филоея и возникшій на мѣстѣ прежняго Фтерійскаго монастыря; Есфигмену, братство котораго составилось изъ жителей села Сфиги (въ Тессалии), имя котораго и теперь еще живетъ въ названіи монастыря; Зографскій, основанный въ 911 г. греческимъ монахомъ Георгіємъ Зографомъ, т. е. живописцемъ, и многіе другіе. Аѳонъ быстро завоевалъ славу монашескаго рая, въ который и начали отовсюду стекаться любители аскетизма: уже въ годъ смерти Аѳанасія (1000 г.) число монаховъ достигало почтенной цифры 3.000 душъ.

Кончина великаго организатора аѳонской монашеской общины Аѳанасія не задержала ея пышнаго расцвѣта въ XI вѣкѣ. Несмотря на частыя нападенія арабовъ, и несмотря на вредное вліяніе колонистовъ-мірянъ на установившійся строй жизни на Аѳонѣ, авторитетъ аѳонской общины настолько возросъ на всемъ православномъ Востоцѣ, что въ новомъ уставѣ ея, утвержденномъ императоромъ Константиномъ Мономахомъ въ 1046 г.; Аѳонъ уже официально называется *Святою Горюю* (τὸ ἅγιον Ὄρος); и не напрасно: изъ этого же устава видно, что въ то время на Аѳонѣ было уже до 180 монастырей. Изъ нихъ въ послѣдствіи особенно прославились, кромѣ приведенныхъ выше 4 обителей, еще слѣдующія: Дохіаръ, названный по имени своего основателя Дохіара и посвященный св. Николаю; другая обитель св. Николая, возобновленная въ первой половинѣ XIII вѣка болгарскимъ монахомъ Григоріємъ, и потому носящая теперь имя Григоріата; Ксиропотажскій монастырь, основанный въ X вѣкѣ болгарскимъ царемъ Петромъ для инока Павла Ксиропотажскаго (въ міру Райгабе), одного изъ первыхъ распространителей христіанства въ Болгаріи. Въ послѣдствіи

этотъ монастырь получилъ имя своего перваго игумена преп. Павла, а названіе Ксиропотамскаго перешло на Стратоникійскую обитель Никифора. Для насъ особенно важно констатировать въ это время увеличеніе числа славянскихъ монаховъ, изъ которыхъ болгарскіе между 1046 и 1049 гг. обзавелись даже собственнымъ монастыремъ, занявъ греческій монастырь Зографа. За болгарамъ послѣдовали и русскіе: какъ извѣстно, основатель русскаго монашества преп. Антоній прошелъ школу аскетизма на Аеонѣ; и теперь еще, близъ монастыря Есфигмену, показываютъ пещеру, гдѣ онъ подвизался. Но объединиться въ собственномъ монастырѣ русскимъ удалось значительно позже — послѣ 1143 г., когда они взяли въ свое владѣніе монастырь „Богородицы Ксилургу“.

Вообще, въ XI вѣкѣ Святая Гора пользовалась постояннымъ вниманіемъ византійскихъ кесарей, которые не упускали случая поддержать матеріально то тотъ, то другой монастырь. Благодаря этому, уже тогда Аеонъ не могъ жаловаться на бѣдственное положеніе. Но вершины своего вѣшняго блеска онъ достигъ въ царствованіе Комниновъ Алексѣя I (1081 — 1118) и Іоанна (1118 — 1143). Оба въ полномъ смыслѣ слова осыпали всевозможными дарами и привилегіями скромныя обители Аеона. „Святые отцы!—писалъ Алексѣй аеонскимъ монахамъ,—вы, обитающіе на божественной и святой Горѣ! Знайте, что какъ Константинополь есть царь городовъ и выше всѣхъ ихъ, такъ и царственнѣйшая и божественная ваша Гора превосходитъ всѣ горы вселенной, вы же, по Писанію,—нашъ свѣтъ и соль. Мы такъ думаемъ и такъ вѣримъ. И не только царство христіанъ, но и всѣ вокругъ насъ живущіе народы вмѣстѣ съ нами радуются вашей жизни въ Богѣ. Итакъ радуйтесь и молитесь о нашей державѣ и о всемъ мірѣ. Честныя же и святыя молитвы ваши да подарятся намъ и помогутъ въ часъ нашего исхода“ (Соколовъ, уе. соч. 247—248). Свое преклоненіе передъ авторитетомъ Святой Горы Алексѣй показалъ не на словахъ только, но и на дѣлѣ, торжественно освободивъ ее отъ всѣхъ податей и налоговъ и строжайшимъ образомъ запретивъ чиновникамъ вмѣшиваться въ дѣло монашеской общины. Мало того, ни одинъ епископъ (хотя бы имъ былъ самъ константинопольскій патріархъ), не могъ навязывать своихъ рѣшеній аеонскимъ монахамъ.

Царствованіе Комниновъ, столь благодѣтельное для Аеона вообще, составило эпоху и въ исторіи славянскихъ монастырей. При преемникѣ императора Алексѣя, Мануилѣ, русскіе монахи такъ размножились на Аеонѣ, что имъ стало мало одной тѣсной обители Ксилургу, и они

обратились къ проту Святой Горы съ просьбой передать имъ одинъ изъ большихъ монастырей. Послѣ долгихъ совѣщаній, рѣшено было назначить имъ для обитанія монастырь св. Пантелеймона, а Ксилургу поставить въ зависимость отъ послѣдняго. Это было въ 1169 г. Но новый монастырь служилъ пріютомъ не только русскимъ, но и южныхъ славянъ, болгаръ и сербовъ. Здѣсь, между прочимъ, нашелъ первое прибѣжище (1186 г.) и принялъ постриженіе сынъ великаго жупана Сербіи Стефана Немани Растко, впоследствии сыгравшій огромную роль въ исторіи родного народа какъ архіепископъ Сербіи. Изъ Русскаго Савва перешелъ потомъ въ монастырь Ватопедъ, гдѣ въ скоромъ времени нашелъ себѣ товарища—въ лицѣ своего отца, который, тоскуя о своемъ любимомъ сынѣ, также постригся въ монахи и принялъ имя Симеона. Но отрекаясь отъ міра, онъ не отрекся отъ любви къ родинѣ, и, безъ сомнѣнія, это чувство вызвало въ немъ желаніе основать для сербовъ особый монастырь. Для этой цѣли онъ возстановилъ изъ развалинъ одинъ старый монастырекъ, носившій имя Хиландарь и посвященный Богоматери, особымъ хризовуломъ (1198—1199) подарилъ ему обширныя земли и выхлопоталъ другія у императора Алексѣя III. Кромѣ того, по просьбѣ основателя, монастырь получилъ названіе царской лавры и былъ освобожденъ отъ подчиненія проту. Но полного внутренняго и вѣшняго благоустройства монастырь достигъ по смерти Симеона (1200), когда во главѣ его сталъ Савва, составившій для монастыря особый типикъ.

Вскорѣ послѣ этого Хиландарю и другимъ аеонскимъ монастырямъ пришлось выдержать цѣлую бурю нашествія съ Запада. Катастрофа, постигшая въ 1204 г. Византійскую имперію, подпавшую подъ власть франковъ, была тяжелымъ ударомъ и для Аеона: въ политическомъ отношеніи онъ долженъ былъ признать надъ собой власть Солунскаго „короля“, маркиза Монфератскаго Бонифатія, а въ церковномъ отношеніи долженъ былъ подчиниться легату кардиналу Бенедикту. Это открыло широкое поле не только для разнаго рода происковъ со стороны латинскихъ прелатовъ, но и для настоящихъ разбойническихъ экспедицій. Такъ, въ 1259 г. Иверскій монастырь былъ разграбленъ франками. И Есфигмену и Хиландарь также не избѣжали нападеній западно-европейскихъ пиратовъ. Эти бѣдствія заставили аеонскихъ монаховъ обратиться съ просьбой о помощи даже къ римскому папѣ Иннокентію III, который и принялъ ихъ подъ покровительство папскаго престола.

При такихъ обстоятельствахъ, понятно, что нигдѣ реставрація

Византийской имперіи (1262 г.) такъ не привѣтствовалась, какъ на Аеонѣ. Вернувшійся въ столицу предковъ императоръ Михайлъ Палеологъ щедро одарилъ аеонскіе монастыри и подтвердилъ дарственные хризовулы своихъ предшественниковъ. Также поступили и его потомки. Только политическая независимость Аеона потерпѣла нѣкоторый ущербъ, когда, при императорѣ Андроникѣ, протъ Святой Горы былъ подчиненъ константинопольскому патріарху (1313 г.), а епископъ города Іериссо сталъ епископомъ всей Горы.

Вскорѣ послѣ этого мирная Аеонская Гора окунулась въ бурное море догматическихъ споровъ и партійныхъ раздоровъ. Быть можетъ, не безъ вліянія богомилскаго ученія, среди аеонскихъ пустынниковъ и аскетовъ возникла своеобразная мистическая секта, которая утверждала, что всякій вѣрующій можетъ увидѣть Бога, если онъ долгимъ и неподвижно-устремленнымъ взоромъ будетъ смотрѣть на свой пупъ; прійдя въ экстазъ, онъ-де увидитъ тогда и лучи славы, которыми Христосъ былъ окруженъ на Фаворской горѣ. Этотъ свѣтъ, по мнѣнію исихастовъ, былъ не матерьяльнаго, а божественнаго происхожденія. Ученіе исихастовъ взялъ подъ свое покровительство солунскій митрополитъ Григорій Палама, и словомъ и перомъ защищалъ его отъ такихъ талантливыхъ и сильныхъ противниковъ, какими были извѣстный историкъ Шенкфордъ Григора и особенно Варлаамъ, греческій монахъ изъ Калабріи и горячій приверженецъ уніи съ Римомъ. Язывательныя насмѣшки послѣдняго надъ исихастами вызвали среди нихъ такое озлобленіе, что они подали официальную жалобу на Варлаама. Въ Константинополѣ былъ созванъ соборъ, на которомъ противники аеонскихъ монаховъ были преданы проклятію (1351 г.). „Мистицизмъ, говоритъ проф. Гельцеръ, одержалъ блестящую побѣду. Это было въ то же время пораженіе схоластики, т. е. рациональнаго характера западно-европейскаго богословія, которое на греческой почвѣ не могло получить права гражданства. Но такое уже было рокъ эллинизма! Побѣда мистицизма имѣла послѣдствіемъ пораженіе мощнаго западно-европейскаго культурнаго вліянія, которое сто лѣтъ спустя окончательно завершилось крушеніемъ Флорентинскаго Собора и чрезвычайно рѣзкимъ развитіемъ раскола. Такимъ образомъ, Аеонъ можно считать духовнымъ виновникомъ продолжавшагося до XVIII ст. постепеннаго окаменѣнія эллинизма. Но тѣмъ больше была его слава какъ истиннаго обиталища православія“ (Geizer, Vom heiligen Berge 2b).

Съ завоеваніемъ Солуни турками въ 1430 г. Аеонъ вступилъ въ новый періодъ своей исторіи. По особому договору съ падишахомъ,

Аеонъ сохранилъ въ неприкосновенности свое внутреннее самоуправленіе, но зато онъ долженъ былъ платить ему ежегодную дань. Султанъ свято чтить установленія Аеона, и даже для защиты его поставилъ отрядъ солдатъ, которые не должны были пускать ни одну женщину на Святую Гору.

Вообще, этотъ вѣкъ былъ для Аеона эпохой бѣдствій, разрушенія и опустошенія. На мѣсто господствовавшего до сихъ поръ общиннаго, киновіальнаго управленія въ монастыри постепенно начала проникать *идиоритмія*, т. е. управленіе, признававшее за монахами цѣлый рядъ индивидуальныхъ правъ, въ томъ числѣ право собственности. Это новшество весьма отрицательно отозвалось на матерьяльномъ благосостояніи монастырей, и нѣкоторые монастыри обѣдиѣли до такой степени, что ихъ монахи, въ погонѣ за подаяніемъ, разбрелись по всему православному міру. Лавра, эта основная ячейка монашеской общины, не могла содержать больше 5 или 6 монаховъ, а отъ церкви и монастырскаго зданія Руссика въ 1626 г. остались только развалины. Параллельно съ матерьяльнымъ обѣднѣніемъ шло и нравственное разложеніе монашеской общины: монахи безпрепятственно занимались торговлей, въ нѣкоторыя келіи были допущены монахини, между отдѣльными монастырями происходили кровавыя столкновенія. Къ этимъ раздорамъ присоединились скоро и національныя страсти. Въ теченіе XVI—XVII вв. греки систематически изгоняли славянъ, арабовъ и другихъ негреческихъ монаховъ со всѣхъ болѣе или менѣе отвѣтственныхъ мѣстъ и замѣняли ихъ своими соплеменниками. Въ результатѣ этой шовинистической политики Иверскій монастырь, который еще въ XIV в. былъ грузинскимъ, сталъ теперь греческимъ; нѣкогда болгарамъ принадлежало четыре монастыря, теперь они владѣютъ только однимъ; русскимъ только въ прошломъ столѣтіи удалось отвоювать Пантелеймоновскій монастырь у грековъ, овладѣвшихъ имъ въ эпоху его упадка въ XVIII ст.

Нравственное паденіе монашеской республики сопровождалось такимъ же паденіемъ и умственнымъ. Это доказываютъ тѣ жалкіе споры, которые волновали умы въ монастыряхъ. Спорили, напримѣръ, о томъ, слѣдуетъ ли во время священнодѣйствія назначенный для панагій кусокъ хлѣба класть направо или налѣво отъ священника.

Поэтому по-истинѣ лучшемъ въ черномъ царствѣ была Аеонская Академія, основанная въ пятидесятихъ годахъ XVIII ст. Евгеніемъ Булгарисомъ. Эта Академія, построенная на восточномъ берегу полуострова по близости монастыря Ватопеда, имѣла своей задачей при-

мирить ученіе православной церкви съ результатами западно-европейской науки. Для этого въ учебную программу ея было введено чтеніе классиковъ и—horribile dictu!—изученіе новѣйшей философіи. Мало того, Булгарисъ завязалъ сношенія съ нѣмецкой наукой (въ Галле), и хотѣлъ пригласить оттуда профессора для своей Академіи. Нечего и говорить, какое огромное значеніе могла бы имѣть для Аеона дѣятельность Булгариса. Но, къ сожалѣнію, она показалаcя реакціонерамъ опасной, и школа была закрыта...

И нарочно изложилъ съ нѣкоторой подробностью исторію Аеона не только потому, что она вполне объясняетъ его исключительное значеніе въ исторіи средневѣкового Востока, но и потому, что уже она одна даетъ нѣкоторый матерьялъ для рѣшенія вопроса о качествахъ, положительномъ и отрицательномъ, вліянія Аеона на духовно-зачарованные имъ народы. Какъ и теперь, такъ и въ древности Аеонъ представлялъ собой, въ сущности, монашескую республику, почти независимую отъ власти какого бы то ни было епископа и часто даже самого константинопольскаго патріарха. Пользуясь почти неограниченной автономіей въ дѣлахъ внѣшнихъ, эта монашеская община очень послѣдовательно проводила ея принципъ и въ своей внутренней организаціи. Несмотря на то, что въ ея составъ входило иногда нѣсколько сотъ монастырей, выбиравшихъ себѣ ежегодно своего рода президента—„прота“, она нисколько не стѣсняла самоуправленія отдѣльных своихъ членовъ. Благодаря этому, на Аеонъ стекались алчущіе и жаждущіе правды не только изъ среды грековъ, но и изъ среды всѣхъ народовъ православнаго Востока: здѣсь были и арабы, и сирійцы, и армяне, и грузины, и влахи, и славяне. Особенно много, можетъ быть, не меньше, чѣмъ грековъ, было здѣсь славянъ. Причиной этого было счастливое географическое положеніе Аеона. Онъ находится на югѣ Македоніи, этнографически славянской странѣ даже въ настоящее время. А въ средніе вѣка она нерѣдко бывала принуждена признавать надъ собой и политическую власть болгарскихъ и сербскихъ царей. Неудивительно, что географическая близость Святой Горы, вмѣстѣ съ указаннымъ федеративнымъ устройствомъ ея монашеской общины и высокимъ нравственнымъ авторитетомъ и ригоризмомъ ея обитателей, не могли не привлекать къ себѣ тѣхъ изъ славянъ, которые желали посвятить себя созерцательной жизни, не отрекаясь ни отъ своего языка, ни отъ своей національности. Въ этомъ отношеніи Аеонъ

долженъ былъ импортировать имъ такъ же, какъ въ политическомъ отношеніи импортировалъ имъ Царьградъ. И подобно тому какъ политическая столица Византіи была полна славянскихъ выходцевъ, мечтавшихъ сдѣлать въ ней свою общественную карьеру, такъ Аeonъ кишѣлъ славянскими монахами: всего черезъ столѣтіе послѣ основанія Великой Лавры мы уже читаемъ о самостоятельныхъ славянскихъ монастыряхъ на Аeonѣ; такъ, болгары жили въ монастыряхъ Зографскомъ, а русскіе—въ Ксилургу; впоследствии къ нимъ прибавился русскій Пантелеймоновскій монастырь и многіе другіе. Эти монастыри сдѣлались очагами византизма на славянскомъ югѣ. Живя у самаго источника византийскаго культуры, ежедневно сталкиваясь съ лучшими ея представителями, съ ея цвѣтомъ и часто даже съ ея гордостью и славою, славянскіе монахи не могли, конечно, не проникнуться пламеннымъ желаніемъ пересадить хотя бы незначительную часть цвѣтовъ „словеснаго вертограда“ (какъ они тогда обыкновенно выражались) съ греческой почвы на родную. И вотъ они приступили, съ трудолюбіемъ пчелъ и упорствомъ муравьевъ, къ гигантскому подвигу перевода, а потомъ переписыванія всѣхъ сколько-нибудь выдающихся произведеній византийскаго литературы. Конечно, не одни аеонскіе монахи занимались писательскою дѣятельностью, но также иноки другихъ монастырей и даже многія частныя лица. Но что именно имъ принадлежитъ, все-таки, въ ней львиная доля, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія; это доказываетъ не только *количество* славянскихъ рукописей, написанныхъ, хранившихся или сохраняющихся въ аеонскихъ монастыряхъ, но, какъ увидимъ ниже, и ихъ *качество*, ихъ *содержаніе*, а также и нѣкоторыя прямыя историческія повзанія, съ которыми мы познакомимся ниже. Во всякомъ случаѣ, переведенныя или переписанныя на Аeonѣ произведенія не оставались въ стѣнахъ его монастырей, но въ десяткахъ и сотняхъ списковъ расходились по другимъ центрамъ славянскаго міра, повсюду распространяя византискія идеи и идеалы, со всѣми ихъ немногими положительными сторонами и многими отрицательными. Эти идеи не оставались только на пергаментѣ или бумагѣ, но претворялись до известной степени въ жизнь, отражаясь на всемъ укладѣ домашней и общественной жизни славянскихъ народовъ и даже на ихъ церковной и политической организаціи. Такимъ образомъ, Аeonъ служилъ для славянъ не только своего рода научно-литературной лабораторіей, но и известнымъ передаточнымъ пунктомъ и посредникомъ въ дѣлѣ практическаго усвоенія началъ византийскаго культуры славянскими народами. Дальше

я укажу нѣсколько поразительныхъ примѣровъ, когда Аeonъ становился центромъ цѣлыхъ философско-религіозныхъ движеній, волновавшихъ въ одинаковой степени и грековъ и славянъ, а теперь я позволю себѣ указать на величественный образъ собирателя сербскаго государства Стефана Немани, смиренно отрешагося отъ короны, чтобы кончить жизнь простымъ монахомъ въ основанномъ имъ *сербскомъ* монастырѣ на Аeonѣ, и на не менѣе грандіозный образъ его сына Саввы, — этого великаго организатора сербской національной церкви, который провелъ свои лучшіе годы на Аeonѣ и написалъ даже типики для двухъ его монастырей. Если, такимъ образомъ, основатель сербскаго государства *кончилъ* свою жизнь аеонскимъ монахомъ, то основатель сербской народной церкви *началъ* свою сознательную дѣятельность аеонскимъ инокомъ. Не является ли эта историческая картина живой эмблемой органической связи аеонскаго византизма съ судьбою юго-славянскихъ народовъ, — связи, оказавшейся въ конечномъ итогѣ столь трагичной для нихъ?

Итакъ, значеніе Аeона для славянской культурной исторіи было почти такъ же велико и всеобъемлюще, какъ и значеніе византизма вообще. Подробное разсмотрѣніе этого вліянія завело бы насъ далеко за предѣлы настоящей статьи, задача которой состоитъ въ характеристикѣ вліянія Аeона лишь на одинъ отдѣлъ славянской культуры, — на славянскую письменность и литературу.

Какъ извѣстно, исторія славянской письменности начинается одной нерѣшенной еще въ наукѣ загадкой: древнѣйшіе первоисходно-славянскіе памятники, принадлежащіе къ X или XI в., не отличаются единствомъ правописанія, но пишутся или такъ называемою „глаголицей“ или такъ называемою „кириллицей“. Между тѣмъ, достоверные историческіе источники категорически говорятъ намъ, что св. Кирилъ изобрѣлъ только одну азбуку. Спрашивается, какую же изъ двухъ славянскихъ азбукъ мы должны считать его изобрѣтеніемъ: кириллицу или глаголицу? Хотя вопросъ этотъ породилъ огромную литературу, его нельзя считать окончательно рѣшеннымъ; можно только констатировать, что большинство авторитетныхъ ученыхъ въ настоящее время сводится къ мнѣнію о старшинствѣ глаголицы передъ кириллицей. Какъ бы то ни было, но чрезвычайно интересно констатировать тотъ фактъ, что *Аeонъ сохранилъ для науки самые древніе, самые крупныя и самыя цѣнныя въ качественномъ отношеніи глаголическіе памятники. Мало*

того, въ архивѣ одного изъ аеонскихъ монастырей, именно Иверскаго, сохранился документъ, который, хотя и написанъ на греческомъ языкѣ, является тѣмъ не менѣе *древнѣйшимъ датированнымъ памятникомъ не только глаголицы, но и славянскаго письма вообще* ¹⁾. Я разумѣю известный *судебный актъ 983 г.*, которымъ рядъ свидѣтелей удостоверяетъ объѣмъ земель, произведенный жителями крѣпости Іериссо съ основателемъ Иверскаго монастыря Іоанномъ Иверомъ. Актъ этотъ былъ открытъ въ 1846 г. известнымъ русскимъ знатокомъ Аеона, епископомъ Порфиріемъ. На верху этого акта онъ отмѣтилъ 75 крестовъ, подлѣ поперечничками которыхъ свидѣтели подписали свои имена. Около одного изъ крестовъ написаны буквы, которыхъ глаголическое происхожденіе не станетъ отрицать никто, кто хоть разъ видѣлъ эту азбуку.

Нѣкоторые изъ этихъ буквъ, впрочемъ, читаются не совсемъ ясно, и потому нельзя быть увѣреннымъ, что чтеніе епископа Порфирія, — онъ восстанавливаетъ имя свидѣтеля, какъ попъ георги, — единственно вѣрное. Во всякомъ случаѣ, Иверская грамота является древнѣйшимъ датированнымъ памятникомъ славянской глаголической письменности, такъ какъ она на 11 лѣтъ старше знаменитой подписи Самуила. Въ виду этого, нельзя не выразить сожалѣнія, что со времени епископа Порфирія, подробно описавшаго свое открытіе въ книгѣ „Первое путешествіе на Аеонъ“ (ч. I, отд. 2, стр. 310—316), драгоценный документъ не только нѣкъмъ подробно не обследовался, но не былъ даже ни разу изданъ in extenso. А между тѣмъ сдѣлать это было бы не трудно, такъ какъ въ Императорской Публичной Библиотекѣ хранится фотографическій снимокъ акта, сдѣланный еще въ 60-хъ годахъ Севастьяновымъ. Разумѣется, за изданіе этого документа могло бы взяться только лицо, хорошо знакомое съ греческой палеографіей.

Богдѣ посчастливилось въ этомъ отношеніи недатированнымъ глаголическимъ памятникамъ Аеона, чему, конечно, было причиной ихъ первоклассное идущее значеніе. Еще въ 1843 г. австрійскій консулъ Антонъ Михановичъ открылъ въ одной изъ древнѣйшихъ обителей Аеона, въ монастырѣ Зографѣ, цѣлое *глаголическое евангеліе*, которое современные исследователи единогласно ставятъ въ палеографическомъ

¹⁾ Издаваемый О. М. Бодякинскимъ въ „Чтеніяхъ Имп. Общ. Ист. и др.“ (1873 г., кн. 1) актъ Зографскаго мон. 980—981 г. со славянскою подписью іером. Макарія въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ подозрителенъ.

и лингвистическомъ отношеніи на первое мѣсто въ глаголической письменности вообще. Съ тѣхъ поръ драгоценный памятникъ пользовался постояннымъ вниманіемъ всѣхъ ученыхъ славистовъ, посѣщавшихъ Аеонъ, пока, наконецъ, въ 1860 г. зографскіе старцы не поднесли рукопись въ даръ Императору Александру II. Въ настоящее время она хранится въ Императорской Публичной Библиотекѣ, а въ 1879 г. дождалась критическаго изданія, блестяще выполненнаго Ягичемъ въ Берлинѣ (*Quatuor evangeliorum codex glagoliticus*). Въ Prolegomen'ахъ въ этомъ изданіи (р. XXI) Ягичъ высказываетъ предположеніе, что манускриптъ былъ написанъ въ Болгаріи, и уже оттуда попалъ на Аеонъ, но я не вижу причины, почему Зографское Евангеліе не могло находиться въ монастырѣ (отъ котораго оно получило свое имя) изстаря и даже тамъ быть написано: вѣдь документально доказано, что болгарскіе монахи жили на Аеонѣ уже въ X — XI вв.

Невозможенъ уступать по значенію Зографскому Евангелію и другой обширный глаголическій кодексъ, сохраненіемъ котораго мы должны быть также благодарны Аеону. Я разумѣю извѣстное *Маринское Четвероевангеліе*, названное такъ по имени Скита Пресвятой Богородицы, которому оно прежде принадлежало, и изъ котораго его вывезъ нашъ знаменитый славистъ В. И. Григоровичъ, во время своего путешествія по Европейской Турціи въ 1844 — 1845 гг. Подобно Зографскому Евангелію, и Маринское критически было издано академикомъ Ягичемъ въ 1883 г. на средства Академіи Наукъ (Маринское Четвероевангеліе, трудъ В. И. Ягича С.-Пб. 1883). Къ изданію Ягичъ присоединилъ подробное изслѣдованіе графики и языка рукописи, въ которомъ, между прочимъ, причисляетъ памятникъ „къ самымъ замѣчательнымъ остаткамъ славянской письменности. Уступая нѣсколько Зографскому Евангелію въ соблюденіи звуковыхъ тонкостей, онъ превзошелъ его въ вѣрной передачѣ рѣдкихъ грамматическихъ формъ, въ составѣ же словъ и оборотовъ сохранилъ не мало старинны, благодаря которой значительно расширяются наши представленія о первоначальномъ переводѣ“ (стр. 474).

Итакъ, Аеонъ сохранилъ намъ лучшіе и самыя древніе глаголическіе памятники. Нельзя сказать этого съ такою же увѣренностью про кирилловскія рукописи того же языка. Только одинъ небольшой отрывокъ *поученій св. Кирилла Иерусалимскаго* несомнѣнно аеонскаго происхожденія. Они были найдены уже упомянутымъ мною В. И. Григоровичемъ въ башнѣ Хиландарскаго монастыря и въ 1865 г. при-

несены имъ въ даръ библиотекѣ Новороссійскаго университета. Но лишь въ 1898 г. вышло ихъ критическое изданіе въ работѣ С. М. Кульбакина „Хиландарскіе Листки XI в.“ (С.-Пб.). Несмотря на свой небольшой объемъ, эти отрывки очень важны не только по своему чистому первонослavianскому языку, но и по содержанию: они представляютъ уже не богослужебный текстъ, а переводъ произведенія одного отца церкви.

Происхожденіе другихъ древне-церковно-славянскихъ памятниковъ: *Листковъ Ундольскаго, Саввиной книги и Супрасльскаго рукописи* крайне загадочно, и мы совершенно не знаемъ, какимъ путемъ эти рукописи, по письму и языку несомнѣнно юго-славянскія, могли попасть въ Россію. Судя однако же по тому, что русскіе еще въ XI в. должны были постоянно сталкиваться на Аеонѣ съ болгарами и сербами, едва-ли покажется кому смѣлой догадка, что эти рукописи были вывезены съ Аеона или самими монахами, какъ извѣстно, часто приважавшими въ наше отечество за сборомъ пожертвованій, или какими-либо поклонниками Святой Горы. Относительно *Супрасльскаго рукописи* эта гипотеза находитъ себѣ и фактическое подтвержденіе: какъ извѣстно, она была найдена каноникомъ М. К. Бобровскимъ въ 1823 г. въ Супрасльскомъ Благовѣщенскомъ монастырѣ (въ 20 верстахъ отъ города Вѣлостока). А исторически доказано, что этотъ монастырь былъ построенъ въ концѣ XV в. А. Ходкевичемъ для монаховъ Святой Горы. Какое же можетъ быть болѣе естественное предположеніе, чѣмъ то, что именно эти монахи привезли съ собой драгоценную Минею?

Перечисленные памятники представляютъ древнѣйшіе памятники церковно-славянскаго языка. А такъ какъ этотъ языкъ есть не что иное, какъ языкъ болгарскій въ его древнѣйшей стадіи развитія, то отсюда слѣдуетъ, что *Аеонъ сохранилъ намъ старѣйшіе памятники этого языка!*

Но, конечно, не случайно за то же самое благодарятъ Аеонъ и ихъ ближайшіе сосѣди и соплеменники—сербы. Правда, старѣйшій датированный памятникъ сербскаго языка—*грамота бана Кулина* 1186 г.—былъ найденъ въ Дубровникѣ и теперь хранится въ Императорской Академіи Наукъ, но зато слѣдующій по времени документъ—*хризовуль великаго жупана Стефана Немани* 1198 г. донынѣ красуется въ Хиландарскомъ монастырѣ и составляетъ его величайшую историческую реликвию. Въ этой грамотѣ влaститель сербскаго народа пожаловалъ монастырю длинный рядъ селъ и опредѣлилъ ихъ права и

обязанности по отношенію къ монастырю. Она содержитъ въ себѣ множество данныхъ для исторической географіи Балканскаго полуострова, а также для исторіи сербскаго языка и внутреннего быта народа. Несмотря на то, что знаменитый хривовуль издавался нѣсколько разъ, онъ все еще не дождался точнаго критическаго и въ частности фотографическаго воспроизведенія.

Кромѣ хривовула Стефана, въ библиотекѣ Хиландарскаго монастыря до недавняго времени хранился еще одинъ сербскій памятникъ XII в. чрезвычайной важности. Это—извѣстное *Мирославово Евангеліе*, писанное кириллицей на 168 лл. во второй половинѣ XII в. Большой славой въ наукѣ пользуется его роскошный орнаментъ, расписанный нѣкими дьякомъ Григоріемъ для сербскаго князя Мирослава († 1197), сына Завидина, брата Стефана Немани. Для сербовъ культурно-историческое значеніе этого великодѣйнаго памятника почти такъ же велико, какъ для насъ—Остромирова Евангелія. Во время пребыванія покойнаго сербскаго короля въ Хиландарскомъ монастырѣ въ 1896 г., Мирославово Евангеліе было поднесено ему въ даръ братіей монастыря, и въ слѣдующемъ году было издано по его распоряженію фотолитографически. И кстати! Во время государственнаго переворота въ маѣ 1903 г., жертвою котораго палъ самъ король, драгоценная рукопись исчезла неизвѣстно куда. О судьбѣ ея уже теперь ходятъ легенды. По однимъ, она сгорѣла въ пожарѣ, по другимъ, она находится гдѣ-то въ Россіи, по третьимъ, гдѣ-то въ Италіи. Какъ бы то ни было, но пышные покои королевскаго дворца оказались для рукописи болѣе опасными, чѣмъ ветхія стѣны полуразвалившагося монастыря!

Безъ сомнѣнія, съ Асова, но неизвѣстно, когда и изъ какаго именно монастыря, вывезено епископомъ Порфиріемъ *Вуканово Евангеліе*, названное такъ по имени великаго жупана Вукана, для котораго оно было написано старцемъ Симеономъ въ 1199—1200 гг. Оно хранится теперь въ Императорской Публичной Библиотекѣ и, хотя по внѣшнему виду и не можетъ сравниться съ предыдущимъ памятникомъ, тѣмъ не менѣе и оно чрезвычайно важно для исторіи сербскаго языка. Его палеографическія и лингвистическія особенности описаны проф. Кульбакинымъ ¹⁾, а полное критическое изданіе его готовить въ настоящее время проф. П. А. Лавровъ.

¹⁾ „Изв. Отдѣленія русск. яз. и слов. Академіи Наукъ“, 1898.

До сихъ поръ мы говорили о памятникахъ, которые имѣютъ болѣе значенія для исторіи языка или письма славянскихъ народовъ, чѣмъ для исторіи литературы въ тѣсномъ значеніи этого слова. Тѣмъ не менѣе и въ этой области аеонскіе монастыри сохранили не мало памятниковъ первоклассной важности. Къ сожалѣнію, недостатокъ остающагося въ моемъ распоряженіи мѣста не позволяетъ мнѣ распространяться о нихъ подробно, но принуждаетъ ограничиться лишь самымъ бѣглымъ ихъ обзоромъ.

Извѣстно, что въ X в., въ царствованіе болгарскаго царя Симеона, болгарская литература пережила эпоху необыкновеннаго расцвѣта, благодаря тому чрезвычайно гостеприимному приему, который встрѣтили у отца Симеона, Бориса, изгнанные изъ Моравіи ученики Кирилла и Меодія. Въ скоромъ времени въ Болгаріи образовались два литературныхъ центра, одинъ въ восточной Болгаріи, въ Прѣславѣ, другой—въ Македоніи, въ Охридѣ. Во главѣ перваго стоялъ самъ царь Симеонъ, а во главѣ втораго—епископъ Климентъ.

И вотъ весьма интересно констатировать фактъ, что Аеонъ, несмотря на свою географическую отдаленность отъ обоихъ центровъ, сохранилъ лучшіе и древнѣйшіе списки нѣкоторыхъ сочиненій чуть не всѣхъ извѣстныхъ по имени древнихъ болгарскихъ писателей.

Такъ, если мы пожелаемъ познакомиться съ сочиненіями Климента,—этого величайшаго послѣ Кирилла и Меодія южно-славянскаго писателя,—то мы не избѣжимъ услугъ аеонскихъ библиотекъ. Такъ, въ Хиландарскомъ монастырѣ хранятся Климентовы *Похвала на претставленіе Богородицы* ¹⁾ и *Похвальное слово сорока мученикамъ* въ сербскомъ спискѣ 1542 г. ²⁾ Еще важнѣе по своему историческому интересу *Похвальное слово Кириллу, епископу словенскому*, несомнѣнно принадлежащее Клименту и читаемое, между прочимъ, въ одномъ среднеболгарскомъ сборникѣ XIV в. Этотъ сборникъ принадлежалъ прежде аеонскому монастырю св. Павла, откуда былъ вывезенъ русскимъ археологомъ П. И. Севастьяновымъ въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія. Въ настоящее время онъ хранится въ Московскомъ Публичномъ и Румянцевскомъ музеѣ ³⁾. Новѣйшія изслѣдованія обнаружили

¹⁾ *Sava*, *Rukopisy Chilandarské* 69, по другому списку изд. Антономъ въ Правосл. Соб. 1851 г.

²⁾ *Sava*, *ib.* Текстъ изд. Лавровымъ подъ названіемъ „Новое похвальное слово Климента Словѣнскаго“ (Изв. III, 4, 1086—1105).

³⁾ *Викторовъ*, Собр. рукоп. Севастьянова 63—66, текстъ издавъ имъ же въ „Кирилло-Меодьевскомъ сборникѣ“, стр. 309—313.

большое сходство стили „Похвального Слова“ съ знаменитыми *Паннонскими житіями* Кирилла и Мефодія, что дѣлаетъ, по моему мнѣнію, въ высшей степени вѣроятнымъ происхожденіе этихъ перловъ славянской исторической прозы отъ пера Климента ¹⁾. Для реконструкціи первоначальнаго текста житій чрезвычайно важны показанія ихъ южно-славянскихъ списковъ, которыхъ, однако, сохранилось очень мало. Изъ нихъ одинъ сохранился въ *Четьи-Минеи* Хиландарскаго монастыря ²⁾. По всей вѣроятности, афонскаго происхожденія и *Загребская Четьи-Минея* (собраніе Михановича), въ которой также имѣется *Легенда о Кириллѣ* ³⁾.

Не въ меньшей степени мы должны быть благодарны Аeonу и за сохраненіе списковъ съ нѣкоторыхъ сочиненій Іоанна экзарха. Такъ, кромѣ двухъ его *поученій*, содержащихся въ одномъ *Сборникѣ Зографскаго монастыря* ⁴⁾, особенную важность представляетъ сербскій списокъ *Шестоднева* московской Синодальной Библіотеки. Какъ видно изъ уцѣлѣвшей записи, этотъ списокъ былъ приготовленъ въ 1263 г. грамматикомъ Феодоромъ, по повелѣнію извѣстнаго дѣятеля сербской литературы Доментіана, іеромонаха Хиландарскаго монастыря. Въ послѣднемъ рукописи и хранилась до тѣхъ поръ, пока ее не вывезъ оттуда въ Москву извѣстный Арсеній Сухановъ ⁵⁾.

И епископъ Константинъ также не былъ обижень Аеономъ. Въ Вѣнской Придворной Библіотекѣ хранится сербскій списокъ съ *Учительнаго Евангелія*, XIV вѣка. Какъ видно изъ одной приписки, онъ принадлежалъ прежде соборной коллѣи Хиландарскаго монастыря въ Каревѣ. Хотя качествомъ своего текста этотъ списокъ и уступаетъ русскому синодальному, тѣмъ не менѣе, для критики первоначальнаго текста онъ имѣетъ огромную важность ⁶⁾.

Несравненное *Сказаніе о тисьменѣ* черноризца Храбра сохранилось на Аeonѣ въ двухъ спискахъ: Хиландарскомъ и Зографскомъ. Первый дошелъ въ *Сборникѣ* XV вѣка и былъ изданъ архимандритомъ

¹⁾ *Лагровъ*, Климентъ епископъ слов. М. 1895. *Vondrak*, Studie. V Praze. 1903.

²⁾ *Sava*, ib.

³⁾ *Яичъ*, Вопросъ 37. *Порфирій*, Первое путешествіе II, 1, стр. 98 и сл.

⁴⁾ *Григоревичъ*, Очеркъ², 56.

⁵⁾ *Горскій и Невоструевъ*, Описаніе рукописей II, № 54, текстъ изд. Бодляскимъ (Шестодневъ, составленный Іоанномъ экз., М. 1879).

⁶⁾ Ср. *Мисайловъ*, Къ вопросу объ Учительномъ Евангеліи еп. Константина. М. 1894.

томъ. Дучичемъ ¹⁾), а второй—въ *Зографской Четвъ-Минѣ* XV—XVI вв.; со стороны текста послѣдній былъ изслѣдованъ проф. П. А. Лавровымъ ²⁾). По наблюденіямъ новѣйшаго издателя „Сказанія“, Виллинскаго, оба списка имѣютъ много общаго съ основнымъ (1848 г.), особенно первый ³⁾).

Изъ Хиладарскаго монастыря епископъ Порфирій вывезъ *Житіе Панкратія* епископа Тавромонійскаго, произведеніе пресвитера Іоанна, въ спискѣ XIII—XIV вв. Въ настоящее время онъ хранится въ Императорской Публичной Библиотекѣ ⁴⁾), но подробно былъ изслѣдованъ еще самимъ владѣльцемъ его ⁵⁾).

Самъ глава литературнаго движенія, Симеонъ, повидимому, тоже не былъ забытъ аеонитами: недавно проф. Лавровъ нашелъ въ Хиладарскомъ монастырѣ сборникъ, который, по всѣмъ признакамъ, представляетъ югославянскій (именно сербскій) списокъ знаменитаго *Сборника Симеона*, русскій списокъ котораго уже давно извѣстенъ въ видѣ „Сборника Святослава“ 1073 г. Хотя оба списка совпадаютъ между собой не вполне, тѣмъ не менѣе, въ общихъ статьяхъ они даютъ одинаковый переводъ ⁶⁾).

Въ царствованіе Симеона былъ сдѣланъ переводъ *Хронографы Георгія Амартола*. Его сербскій списокъ XV вѣка донныѣ хранится въ Хиладарѣ ⁷⁾); еще болѣе древнимъ спискомъ (1389 г.) обладалъ монастырь св. Павла, но, къ несчастью, онъ сгорѣлъ вмѣстѣ съ другими рукописями этого монастыря въ концѣ XIX в. ⁸⁾).

Пышный расцвѣтъ болгарской литературы въ царствованіе Симеона оказался кратковременнымъ, и уже по смерти великаго государя мы съ трудомъ можемъ указать двухъ-трехъ писателей, оставившихъ сколько-нибудь крупныя по своему значенію произведенія. Въ теченіе почти четырехъ слѣдующихъ вѣковъ литературная дѣятельность болгарскихъ писателей состояла въ болѣе или менѣе точномъ переписываніи книгъ, переведенныхъ въ начальную пору славянской

¹⁾ *Старине Хиладарске* 68—94, ср. *Sava*, *Rukopisy* 38.

²⁾ Изв. I³, 582—586.

³⁾ *Сказаніе*, 13—15.

⁴⁾ Краткій обзоръ собранія рукописей, принадлежавшихъ оп. Порфирію. С.-Пб. 1885, стр. 5.

⁵⁾ Первое путешествіе на Афонъ, ч. I, отд. 2, стр. 39—97.

⁶⁾ *Лавровъ*, Апокрифическіе тексты. С.-Пб. 1899, стр. I—XIII.

⁷⁾ *Sava*, о. с. 40—41.

⁸⁾ *Григоровичъ*, о. с. 23—24. *Леонидъ*, Славяносербскія книгохранилища 49.

письменности, и притомъ книгъ, нужныхъ болѣе для церковнаго богослуженія, тѣмъ для частнаго пользованія: Точное зеркало расцвѣта болгарской литературы, Аеоны съ такою же точностью отразилъ въ своихъ книжныхъ богатствахъ и время ея упадка: въ его библіотекахъ встрѣчается не мало средне-болгарскихъ рукописей XIII—XIV вв., которыя, не представляя по своему содержанію ничего новаго въ идейномъ отношеніи, тѣмъ не менѣе очень важны, какъ показатели эволюціи литературнаго болгарскаго языка. Таковы, напр., *Драинто Евангеліе* Пантелеймоновскаго монастыря XIII вѣка ¹⁾, *Иверское Евангеліе* XIII вѣка ²⁾, *Радомирова Псалтырь* Зографскаго монастыря XIII вѣка ³⁾, *Грубанова Трїодъ* того же монастыря XIII вѣка ⁴⁾, уже упомянутый выше *Драгановъ Трефоломїй* XIII вѣка того же монастыря ⁵⁾, также уже отмѣченный *Севастьяновскій сборникъ* изъ монастыря св. Павла XIII—XIV вв., *Драгалевъ Апостолъ* XIV вѣка того же монастыря ⁶⁾, *Зографское Евангеліе* 1305 г. ⁷⁾, *Тертерїево Евангеліе* 1322 г. Хиландарскаго монастыря ⁸⁾ и мн. др.

Кромѣ указанныхъ памятниковъ, можно было бы привести и длинный рядъ другихъ написанныхъ, переписанныхъ или спасенныхъ Аеономъ отъ гибели рукописей, но и перечисленныхъ достаточно, чтобы убѣдиться въ томъ, что древне-болгарская и средне-болгарская литература всегда имѣла на Аеоны не только постоянныхъ читателей, но и писателей. Еще болѣе тѣсно была связана съ аеоискими монастырями древне-сербская литература: безъ преувеличенія можно сказать, что

¹⁾ Два листа его хранятся также въ Моск. Рум. Музеѣ въ собраніи Григоровича № 1694. Научно описаны они С. М. Кульбакинымъ въ „Материалахъ“ I, 65—67, а издали В. Н. Щенкинымъ, въ книгѣ „Волоцкая Псалтырь“ 246—250.

²⁾ Пешковичъ, Обзоръ 15—16; фотогр. снимки 9 листовъ находятся въ Моск. Рум. М., собр. Севастьянова. Ср. Викторозъ, 92.

³⁾ Порфирій, Второе путешествіе, 145. Стоиловъ, Прѣгледъ, 156—157, фотогр. снимокъ одного листа въ собр. Севастьянова Моск. Рум. М. Ср. Викторозъ, 93.

⁴⁾ Стоиловъ. Прѣгледъ, 140—141.

⁵⁾ О немъ существуетъ уже цѣлая литература. Ср. Сырку, Къ исторіи исправленія, I, 1, 415.

⁶⁾ Лавровъ, Труды Слав. Комиссіи, I.

⁷⁾ Срезневскій, Юсов. пам. 123, 348—349. Стоиловъ, Прѣгледъ, 145—146. Одинъ листъ находится въ И. П. Б., въ собр. еп. Порфирія. Ср. Кр. обзоръ, 43.

⁸⁾ Срезневскій, Юсовыя пам., 124—125, 348—349. Свѣдѣнія LXXXI, 23. Дугић Старинѣ Хиландарске, 101—102; запись напечатана Лавровымъ въ Изв., I, 110.

Святая Гора была ея колыбелью. Я уже выше указывалъ, что не случайно величайшій представитель сербской государственности кончилъ жизнь аеонскимъ монахомъ, а величайшій представитель сербской національной церкви началъ свою сознательную жизнь аеонскимъ аскетомъ. Подъ вліяніемъ разсказовъ одного русскаго монаха, Савва тайно бѣжалъ изъ Сербіи на Аеонъ, гдѣ и принялъ иночество. Впослѣдствіи онъ, вмѣстѣ съ своимъ отцомъ, построилъ монастырь Хиландаръ, который для сербовъ сдѣлался на много вѣковъ тѣмъ, чѣмъ въ Киевской Руси былъ Киево-Печерскій монастырь, т. е. расадникомъ просвѣщенія и литературной школой. Во главѣ этой школы сталъ самъ Савва, котораго живой примѣръ и литературная дѣятельность создали цѣлую плеяду подражателей и учениковъ; многіе изъ нихъ впослѣдствіи съ честью занимали наиболѣе отвѣтственные посты въ религиозной жизни Сербіи до архіепископскаго престола включительно. А потомъ, какъ прекрасно говоритъ Ягичъ, „воспоминанія о Саввѣ и Симеонѣ, этихъ народныхъ просвѣтителяхъ, привлекли на Аеонъ со всѣхъ концовъ Сербіи множество набожныхъ людей, желавшихъ послужить Богу на томъ же мѣстѣ, гдѣ ему служили Симеонъ и великій учитель св. Савва. Короли и цари сербскіе не забывали Святой Горы и сербской Хиландарской лавры. Въ самомъ Хиландарѣ жило постоянно по нѣскольку сотъ сербскихъ монаховъ, которые, кромѣ отправления монастырскихъ обѣтовъ, занимались еще писаніемъ книгъ. *Въ Хиландарскомъ монастырѣ искоболѣе было написано древне-сербскихъ книгъ: лучшіе или драгоценнѣйшіе древне-сербскіе литературные памятники были здѣсь составлены или переведены, написаны или списаны, и отсюда распространены по всей Европѣ* ¹⁾. Что говорится сербами о Герцеговинѣ,—будто она населила весь свѣтъ, а сама не опустѣла,—то же можно бы было сказать и о сербскомъ Хиландарѣ: онъ наполнилъ всѣ европейскія бібліотеки, а самъ не опустѣлъ“ ²⁾.

Такимъ образомъ, Хиландаръ можно съ полнымъ правомъ назвать центромъ древне-сербскаго просвѣщенія, и неудивительно поэтому, что память о немъ донынѣ жива въ народной пѣснѣ:

„Да видите чудо невиђено,
Вјел Виландар усред Горе Свете,
Задужбину Саве Светителя
И негова оца Симеуна“.

¹⁾ Курсивъ нашъ.

²⁾ Ягичъ, Исторія сербо-хорв. литер. Каз., 1871, стр. 182.

При такомъ огромномъ влияніи Аеона на древне-сербскую культуру, мы не побоямся впасть въ гиперболу, если скажемъ, что исторія древней сербской литературы есть въ сущности исторія сербской письменности на Аеонѣ. Не имѣя возможности дать полный очеркъ исторіи древне-сербской литературы здѣсь, я позволю себѣ напомнить только такіе факты изъ этой исторіи, въ которыхъ влияніе Аеона на сербскую литературу отразилось *непосредственно и особенно наглядно*.

Сюда относятся, прежде всего, большая часть произведеній пера самого основателя сербской литературы св. Саввы. Бывая часто по дѣламъ своего монастыря въ административномъ центрѣ Аеона—Каревѣ, Савва, для своихъ религіозныхъ потребностей, построилъ тамъ келлію или „молчальницу“ (исихастарій) съ церковью своего патрона св. Саввы Освященнаго. Порядкомъ церковной службы, какъ и вообще правила подвижничества въ этой келліи, онъ установилъ въ особомъ уставѣ, въ основу котораго положилъ типикъ, употреблявшійся въ палестинскомъ монастырѣ того же имени. Тамъ возникло (1199 г.) одно изъ самыхъ раннихъ литературныхъ произведеній св. Саввы—*Карейскій Типикъ*. Его подлинникъ хранился прежде въ самой „молчальницѣ“, но теперь онъ составляетъ одно изъ лучшихъ украшеній библиотеки Хиландарскаго монастыря¹⁾. Въ той же келліи св. Савва написалъ „Службу“ своему отцу, когда, по случаю годовщины его смерти, особый соборъ аеонскихъ монаховъ его канонизировалъ. Къ сожалѣнію, ученые до сихъ поръ еще не выяснили, какая именно изъ дошедшихъ до насъ службъ этому святому принадлежитъ перу Саввы²⁾. Наконецъ, въ убогихъ стѣнахъ карейской келліи узрѣлъ свѣтъ и одинъ изъ крупнѣйшихъ трудовъ неутомимаго инока—*Хиландарскій типикъ* (1200 г.)³⁾. Строго говоря, названіе этого памятника не совсѣмъ точно: изслѣдованія проф. Дмитриевскаго⁴⁾ показали, что въ дѣйствительности онъ представляетъ не самый типикъ, а лишь „прологъ“ къ нему, переведенный болѣе или менѣе буквально съ греческаго „Пролога“ въ типикъ Евергетидскаго монастыря. Этотъ выводъ вполне подтвердилъ и сдѣланный Ягичемъ детальнѣйшій анализъ текста

¹⁾ Лучшее изданіе Стојановића Споменик Сръске Академије III (по Севастьяновскимъ снимкамъ).

²⁾ Ср. *Вулосић*, О књижевномъ раду св. Саве, 4. *Гаерилосић*, Св. Савва, 80.

³⁾ Лучшее изданіе св. *Димитрія* въ Споменикѣ XXXI св.

⁴⁾ Описаніе литургич. рукописей, I, Киевъ, 1895.

Хиландарскаго типика ¹⁾. Ягичъ пришелъ даже къ выводу, что переводъ былъ совершенъ Саввой не лично, а лишь подъ его редакціей. Тотъ же переводъ и тѣмъ же лицомъ (по мнѣнію Ягича, какимъ-то аеонскимъ монахомъ родомъ изъ Македоніи) былъ впоследствии приспособленъ къ нуждамъ *Студеницкаго монастыря*. Такъ возникъ *Студеницкій типикъ* (1208—1215), почти вездѣ буквально повторяющій Хиландарскій ²⁾, Этотъ типикъ не дошелъ до насъ въ цѣломъ видѣ, но, вѣроятно, его вводную часть составляла біографія св. Симеона Немани, написанная Саввой и открытая Шафарикомъ въ томъ же сборникѣ, гдѣ онъ нашелъ и Студеницкій типикъ ³⁾. Нѣкоторые изслѣдователи обращаютъ вниманіе, что стиль „Житія“ во многихъ отношеніяхъ повторяетъ стиль уже упомянутаго мною *Хризовули Стефана Немани* 1198—1199 гг., и потому склонны даже думать, что и послѣдній вышелъ изъ-подъ пера Саввы ⁴⁾.

Какъ бы то ни было, но несомнѣнно одно, что литературная дѣятельность Саввы была тѣснѣйшимъ образомъ связана съ аеонскими идеалами и традиціями. То же самое слѣдуетъ повторить и о его ученикѣ и подражателѣ—знаменитомъ Доментианѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ, увлеченный подвигами св. Саввы, отправился на Святую Гору, онъ ни разу не измѣнилъ завѣтамъ своего учителя, котораго „послѣднимъ ученикомъ“ онъ самъ себя называлъ. По смерти Саввы онъ поселился въ упоминавшейся уже мною Карейской кельѣ, и здѣсь, отчасти по собственнымъ воспоминаніямъ, отчасти по рассказамъ другихъ, написалъ *Житіе Саввы* ⁵⁾. Двадцать лѣтъ спустя мы видимъ его уже духовникомъ Хиландарскаго монастыря; по его побужденію какой-то грамматикъ Θεодоръ переписалъ по-сербски въ 1263 г. болгарскую рукопись „Шестоднева“ Іоанна Болгарскаго, о которомъ мы уже говорили выше. Въ то же время и самъ „книголюбецъ“ (какъ его называетъ Θεодоръ) Доментианъ не сидѣлъ праздно, но писалъ *Житіе св. Симеона*, которое кончилъ въ 1264 г. ⁶⁾. Впоследствии первое изъ произведеній хиландарскаго подвижника под-

¹⁾ Типикъ Хиландарскій и ѿеговъ грчки извор. Споменикъ. XXXIV.

²⁾ Издаваъ *Иречкомъ* въ Гласѣ XL.

³⁾ Издаваъ *Šafarik'omъ* въ *Ramâtkách* 1—15.

⁴⁾ *Stanojeviĥ*, *Летоп. Мат. Српске*, Къ. 182. *Гаевиловиĥ*, о. с. 70—71.

⁵⁾ Издаваъ *Даничиѣмъ* въ книгѣ „Животъ Св. Симеуна и Св. Саве“. У Вногр. 1865.

⁶⁾ Издаваъ *Даничиѣмъ* тамъ же.

верглось переработкѣ какого-то Θεодосія ¹⁾). Когда жилъ этотъ писатель, сказать очень трудно, но, во всякомъ случаѣ, раньше 1336 г.; когда нѣкій Θεодуль переписалъ его трудъ, донныи хранящійся въ библиотекѣ Хиландарскаго монастыря ²⁾). Въ этой же рукописи сохранилось и другое произведеніе Θεодосія—„Похвала Симеону и Савѣ“ ³⁾).

Наиболѣе выдающійся сербскій писатель XIV в., архіепископъ Данилъ, вышелъ также изъ среды аеонскихъ монаховъ: въ своемъ главномъ сочиненіи *Житія королей и архіепископовъ сербскихъ* ⁴⁾ онъ самъ называетъ себя нѣсколько разъ „воспитанникомъ и ученикомъ Святой Горы“. Это сочиненіе, которое дошло до насъ, между прочимъ, въ спискѣ 1553 г. Хиландарскаго монастыря ⁵⁾, вѣроятно, онъ написалъ, будучи игуменомъ Хиландарскаго монастыря. Но потомъ онъ отказался отъ игуменства и удалился въ Карейскую типокарницу, и тутъ, по словамъ его біографа-ученика—также, безъ сомнѣнія, аеонскаго монаха,—написалъ много книгъ, которыя, къ сожалѣнію, до насъ не дошли. Кромѣ біографіи Данила, тотъ же анонимный ученикъ продолжилъ *Родословъ* своего учителя житіями Стефана Дечанскаго и Стефана Душана ⁶⁾).

До сихъ поръ мы говорили о корифеяхъ древне-сербской литературы. Но кромѣ нихъ на Аеонѣ или для Аеона трудился и цѣлый сонмъ второстепенныхъ сербскихъ „писателей“, произведенія которыхъ отчасти и теперь хранятся въ библиотекахъ Аеона, отчасти разсыяны по разнымъ книгохранилищамъ Европы. Къ сожалѣнію, далеко не всѣ изъ нихъ отмѣтили въ записяхъ къ своимъ трудамъ время и мѣсто ихъ написанія, и еще меньше—обозначили въ нихъ свои имена. Только въ видѣ исключенія называются, напримѣръ, рашскій епископъ Григорій, списавшій въ 1305 г. въ Хиландарскомъ мон. *Номоканонъ* ⁷⁾; дьякъ Радославъ, который переписалъ въ 1316 г. *Евангеліе*, подаренное королею Стефаномъ Урошемъ Карейской келліи ⁸⁾; іеро-

¹⁾ Это сочленіе Даничича ошибочно приписалъ также Доментиану и надалъ въ книгѣ „Живот Светога Саве, написао Доментијан, у Беогр. 1860“.

²⁾ *Sava*, Rukopisy, str. 17 (№ 9).

³⁾ *Sava*, ib.

⁴⁾ Издано Даничичемъ въ книгѣ „Животи краљева и архіепископа Српскихъ“ у Беогр. 1866 г.

⁵⁾ *Sava*, o. c., str. 45—46 (№ 174).

⁶⁾ *Иличъ*, Исторія, стр. 221.

⁷⁾ Хранится теперь въ Воскрес. мон.; записъ у Стојановића I, 16—17.

⁸⁾ *Трипоровичъ*, Отсркъ * 27, записъ у Стојановића I, 20—21.

монахъ Гервасій, переписавшій въ 1312—1317 гг., по распоряженію игумена хиландарскаго Никодима, *Апостолъ*¹⁾; послѣдній, уже въ санѣ архіепископа сербскаго, перевелъ въ 1319 г. съ греческаго языка на сербскій *Титикъ св. Саввы Освященнаго*²⁾. Далѣе можно назвать монаха Николу, переписавшаго въ 1329 г. въ Жрепѣ *Евангеліе*, хранившееся до недавняго времени въ монастырѣ св. Павла на Аеоиѣ³⁾; „грѣшнаго“ Романа, переписавшаго въ 1331 г., по повелѣнію игумена Гервасія, *Титикъ*, прежде принадлежавшій Хиландарскому монастырю, а теперь Берлинской Королевской Библіотекѣ⁴⁾; „многогрѣшнаго“ Станислава, переписавшаго, по повелѣнію великаго воеводы Оливера, въ 1342 г. *Минею* для Хиландарскаго монастыря⁵⁾; какого-то анонима, списавшаго въ 1347 г. для Стефана Дупана въ лаврѣ св. Аеанасія *Четвероевангеліе*⁶⁾, и т. д., и т. д. Конечно, не всѣ изъ перечисленныхъ лицъ были аеонскіе иноки, но для характеристики литературнаго вліянія Святой Горы на сербскую письменность не лишено интереса уже то обстоятельство, что ея монастыри хранили или сохранили всѣ эти рукописи; а, вѣдь, изъ нихъ уцѣлѣла до нашего времени только ничтожная часть!

Между тѣмъ, нѣтъ никакого сомнѣнія, что именно въ XIV вѣкѣ расцвѣтъ славянской письменности на Аеоиѣ долженъ былъ достигнуть своего апогея. Какъ я указывалъ уже выше, въ это время религиозная жизнь на Св. Горѣ очень оживилась, благодаря ученію объ „умномъ дѣданіи“, которое здѣсь началъ распространять одинъ изъ величайшихъ византійскихъ писателей—Григорій Синаитъ. Онъ родился въ малоазіатскомъ городѣ Кукула, въ богатой и благочестивой семьѣ. Еще съ дѣтскихъ лѣтъ имѣя влеченіе къ уединенной монашеской жизни, Григорій покинулъ родительскій домъ и долго скитался по разнымъ монастырямъ и пустынямъ. Сначала онъ посѣтилъ островъ Кипръ и Синайскую гору, гдѣ принялъ схимничество или великій ангельскій образъ. Его монашескіе подвиги на этой горѣ заслужили ему такую славу, что „Синаитъ“ стало его прозвищемъ.

¹⁾ *Sava*, ib., 17, запись у Стојановића I, 21.

²⁾ *Стојановић*, I, 22—24.

³⁾ *Григоревича*, ib., 21, запись у Стојановића I, 25—26.

⁴⁾ *Jagic*, *Opisi i izvodi*, 1 sv. *Воскресенскій*, Слав. рукоп. 12, зап. у Стојановића I, 27.

⁵⁾ *Ламанскій*, О вѣк. слав. рукоп. 165; запись у Стојановића I, 31.

⁶⁾ *Sava*, I. c. 18; запись у Стојановића I, 35.

Личныя столкновѣнія съ другими монахами, старавшимися набросить тѣнь на его искренность, сдѣлали, однако, его пребываніе на Синаѣ невыносимымъ, и онъ оставилъ его, чтобы поселиться на островѣ Критѣ въ одной уединенной пещерѣ. Здѣсь онъ встрѣтился съ однимъ монахомъ Арсеніемъ, у котораго онъ научился основамъ своего будущаго ученія—*созерцанію*. Одушевленный новыми идеалами и полный новыхъ идей, Григорій Синаитъ почувствовалъ необходимость въ болѣе широкомъ попріицѣ для своей дѣятельности, а такимъ могъ быть тогда только Аѳонъ. И вотъ скоро мы видимъ его на Святой Горѣ, окруженнымъ многочисленными учениками, жадно ловившими каждое его слово. Скромный скитъ Магула (близъ мон. Филооу), гдѣ поселился Григорій, сдѣлался притягательнымъ центромъ для всѣхъ тѣхъ монаховъ, которые въ красивомъ ученіи объ интуитивномъ познаніи Бога посредствомъ непрерывнаго нравственнаго совершенствованія и личнаго отреченія хотѣли найти смыслъ своей жизни. Въ числѣ учениковъ и послѣдователей Григорія были такіе выдающіеся византійскіе дѣятели, какъ св. Герасимъ, св. Іосифъ, св. Николай; Маркъ, Григорій Палама (бывшій Солунскій митрополитъ), Каллистъ и Филооу. Послѣдніе два позже занимали престолъ константинопольскаго патріарха. Безъ сомнѣнія, среди его аѳонскихъ учениковъ были и славяне: болгары и сербы. По крайней мѣрѣ, составитель его житія называетъ двухъ лицъ, которыя, какъ справедливо говоритъ Сырку, несомнѣнно, были славянскаго происхожденія, — это Іаковъ, который „наставленіемъ и водительствою божественнаго Григорія достигъ такой высоты добродѣтелей, что удостоился принять и санъ архіерейства;—онъ сдѣлался епископомъ Сербіи“. Другой ученикъ, — Климентъ, который „былъ родомъ изъ Болгаріи и на родинѣ былъ пастухомъ овецъ“¹⁾. Конечно, это были не первые и не послѣдніе среди многихъ другихъ славянскихъ учениковъ великаго аскета, и не даромъ память о просвѣтительной дѣятельности Григорія долго жила среди славянъ: въ одной припискѣ къ рукописному сборнику его твореній, составленному, несомнѣнно, въ Болгаріи, Григорій Синаитъ титулуется какъ „первый учитель болгаромъ и сербомъ умаго дѣланія по преданію и художеству древнихъ отецъ“²⁾. Впрочемъ, весьма возможно, что въ этихъ словахъ сохранилась традиція не столько объ его аѳонскомъ учительствѣ, сколько о болѣе позднемъ періодѣ его жизни,

¹⁾ Къ исторіи исправленія книгъ въ Болгаріи I, 1, 69—70.

²⁾ Сырку, *ibid.*, 62.

когда онъ изъ-за постоянныхъ турецкихъ нашествій рѣшилъ совсѣмъ бросить Святую Гору и поселиться въ Параоріи (во Фракіи, на границѣ Болгаріи и Византіи). Здѣсь, уже на этнографически-славянской землѣ, онъ продолжалъ свою учительскую дѣятельность. Среди его славянскихъ учениковъ выдавались: Романъ, Ромилъ, но болѣе всѣхъ Θεодосій Тырновскій. Послѣдній, со всѣмъ пыломъ своего горячаго сердца, присоединился къ новому ученію, которое онъ могъ изучить во всѣхъ подробностяхъ не только изъ устъ и книгъ своего учителя, но и у самаго первоисточника—на Святой Горѣ, гдѣ онъ подвизался одно время по смерти Григорія. Вернувшись на родину и построивъ монастырь близъ Тырнова, Θεодосій началъ дѣятельно распространять ученіе исихастовъ среди своихъ приверженцевъ. Въ короткое время вокругъ него собрались около 50 монаховъ, между которыми были не только болгары, но и сербы, валахи и венгры. Такимъ образомъ, *благодаря Θεодосію, аеонскій мистицизмъ сталъ важнымъ культурнымъ факторомъ на всемъ славянскомъ юго-востоку*. Здѣсь не мѣсто говорить о церковно-общественной и политической дѣятельности великаго болгарскаго исихаста. Для нашей цѣли важно только указать, что вызванное Θεодосіемъ умственное движеніе послужило могущественнымъ толчкомъ къ новому расцвѣту болгарской литературы при патріархѣ Евеміи¹⁾. Послѣдній, какъ можно считать теперь окончательно доказаннымъ послѣ новѣйшихъ изслѣдованій²⁾, вышелъ вполне изъ среды болгарскихъ послѣдователей аеонскаго мистицизма. Любимый ученикъ Θεодосія Тырновскаго, онъ еще при его жизни былъ поставленъ игуменомъ основаннаго имъ монастыря. Когда въ 1365 г. Θεодосій отправился въ Константинополь, чтобы навѣстить своего стараго друга патріарха Каллиста, то онъ взялъ съ собой и Евемію. Здѣсь Θεодосій и прожилъ послѣдніе годы своей жизни (1365—1367). Похоронивъ учителя, Евемій не вернулся на родину, но отправился на Аеонъ, безъ сомнѣнія, для того, чтобы въ центрѣ исихазма практически усвоить правила новаго ученія. На Аеонѣ Евемій подвизался

¹⁾ Интересно, что одинъ изъ предшественниковъ Евеміи по тырновской кафедрѣ, патр. Θεодосій, также находился въ литературныхъ сношеніяхъ съ Аеономъ: онъ подарилъ Зографскому мону, Пандекты Никона Черногорца 1349 г. съ собственноручною подписью. См. статью объ этой рукописи ея нынѣшняго владѣльца *Н. П. Улагачева* въ Изв. Отд. русс. яз. и слов. И. А. Н. Х., кн. 4, стр. 312—319.

²⁾ *Радченко*, Религіозное и литературное движеніе въ Болгаріи, К. 1898. *Сърху* Къ исторіи исправленія книгъ въ Болгаріи т. I, вып. 1, С.-Пб. 1898. *Kažiński*, Werke des patr. Euthymius. Wien 1901. *Поповъ*, Евтимій, Пловдивъ 1901.

сначала въ лавръ св. Аванасія, а потомъ на одномъ столпѣ близъ Зографскаго монастыря. Здѣсь Евонмію пришлось, между прочимъ, выдержать столкновение не съ кѣмъ другимъ, какъ съ самимъ византійскимъ императоромъ Іоанномъ Палеологомъ, когда тотъ на возвратномъ пути изъ Авиньона (1370) проѣзжалъ черезъ Аеоны: введенный въ заблужденіе клеветой одного монаха, будто Евонмій прятаетъ свои сокровища, императоръ тщетно пытался выжать у него деньги; оболея отъ несудачей, онъ сослалъ Евонмія на островъ Лемносъ. Получивъ потомъ помилованіе, Евонмій вернулся въ Трново и здѣсь (точнѣе, въ близъ лежащемъ монастырѣ св. Троицы) началъ свою многостороннюю и кипучую литературную дѣятельность.

Безъ сомнѣнія, мы бы очень далеко уклонились отъ темы статьи, если бы стали подробно излагать исторію литературной дѣятельности Евонмія и его школы. Обращая вниманіе читателя на указанныя монографіи, я позволю себѣ напомнить здѣсь еще то обстоятельство, что нравственная связь съ Аеономъ у великаго болгарскаго патріарха продолжалась не только при его жизни, но и послѣ его смерти. Это видно уже изъ широкой популярности, которою пользовались его творенія на Святой Горѣ: несмотря на всѣ опустошенія и хищенія, списки многихъ произведеній Евонмія донынѣ хранятся въ бібліотекахъ Аеоны. Такъ, Зографскій монастырь справедливо гордится великолѣпнымъ пергаменнымъ свиткомъ XIV вѣка, содержащимъ на средне-болгарскомъ языкѣ Евонміевъ переводъ *Литургическаго устава Іоанна Златоустаго* (составленнаго Константинопольскимъ патріархомъ Филоосемъ) ¹⁾. Кроме того, въ томъ же монастырѣ хранятся три его *Служебника* (сербской ред. XV и XVI в.), уже послужившіе вмѣстѣ съ предыдущей рукописью предметомъ цѣлой диссертациі ²⁾. Тамъ же проф. Истринъ отмѣтилъ средне-болгарскій сборникъ XV в. съ житіями *Іоанна Рыльскаго, Иллариона Молленскаго и Параскевы*, принадлежащими къ числу лучшихъ оригинальныхъ и исторически-дѣйныхъ произведеній Евонмія ³⁾. Житіе патрона болгарскаго народа давно отмѣчено также въ одномъ сербскомъ сборникѣ XVII вѣка Хиладарскаго монастыря ⁴⁾ и еще въ другой рукописи (XIV—XV в.) того же мона-

¹⁾ Сырку, Къ исторіи исправленія книгъ въ Болгаріи I, 2, I—XII. *Kalužniacki, Werke* VII.

²⁾ Сырку, о. с. *Kalužniacki*, о. с.

³⁾ *Журн. Мин. Нар. Пр.* 1896 г., апр., 75. *Kalužniacki*, о. с.

⁴⁾ *Димитриевъ-Петковичъ*, Обзоръ аеоныхъ древностей, 81. *Sava*, о. с. 53—54. *Kalužniacki*, о. с. CI.

стыря, гдѣ оно помѣщено вмѣстѣ съ *Службой царицы Теофанъ* ¹⁾. Въ Хиландарскихъ же сборникахъ (XVII в.) найдены *Посланіе Кипріану* и *Похвальное слово Константину и Еленѣ* ²⁾. Тѣ же самыя сочиненія Евенмія были открыты въ монастырѣ св. Павла, но, къ сожалѣнію, всѣ они погибли во время недавняго пожара. Древнѣйшею изъ этихъ рукописей былъ средне-болгарскій сборникъ XV—XVI в., содержащій *Посланіе Кипріану* ³⁾. Остальныя относились къ XVI и XVII вѣку и заключали въ себѣ, между прочимъ, *житія Иллариона Молленскаго* и *Иоанна Рыльскаго*, *Похвальное слово Михаилу изъ Дотуки* и два *Похвальныхъ слова Константину и Еленѣ* ⁴⁾.

Литературное вліяніе Евенмія распространялось не только прямо— посредствомъ его книгъ и личного примѣра,—но и косвенно—черезъ его многочисленныхъ учениковъ, популяризовавшихъ его идеи (точнѣе: тогдашняго аеонскаго монашества) во всѣхъ главнѣйшихъ центрахъ православнаго славянства. Впрочемъ, нѣкоторые изъ его учениковъ сами побывали на Аеонѣ, гдѣ имѣли полную возможность усвоить результаты тогдашней византийской учености и ознакомиться съ новѣйшими теченіями религіозной мысли. Такъ, одинъ изъ ближайшихъ учениковъ и родственниковъ патр. Евенмія, Кипріанъ, еще до избранія своего въ митрополиты „всехъ Россіи“ (1379 г.), посѣтилъ Святую Гору; онъ жилъ тамъ преимущественно въ монастырѣ св. Павла и лаврѣ св. Аванасія, игуменъ которой, бывшій византийскій патріархъ Фидодей, оказалъ ему всяческое покровительство ⁵⁾. На Аеонѣ же перевелъ въ 1371 г. *сочиненія Діонисія Ареопагита* съ толкованіями Максима Исповѣдника и тотъ іеромонахъ Исаія, который потомъ принесъ свой трудъ въ Россію (1417—1419 г.) ⁶⁾. О личности его почти ничего неизвѣстно, но судя по тому, что онъ жилъ во время Евенмія и былъ одно время монахомъ Трновской лавры 40 мучениковъ, его слѣдуетъ признать однимъ изъ учениковъ болгарскаго патріарха ⁷⁾. Нельзя сказать этого съ такою же увѣренностью о старцѣ

¹⁾ *Сурку*, Евенмія патр. Тырновскаго Служба прен. царицѣ Теофанѣ, с. II. *Sava*, о. с. 37. *Kalužniacki*, ib.

²⁾ *Sava*, о. с. 31, 44. *Kalužniacki*, о. с. C—CI.

³⁾ *Леонидъ*, Славяно-серб. книгохранилища, 50. *Kalužniacki* о. с. CI.

⁴⁾ *Дмитріевъ-Петковичъ*, о. с. 34. *Леонидъ*, 49, 57. *Kalužniacki*, ib.

⁵⁾ *Поповъ*, Евенмія 241.

⁶⁾ *Иконниковъ*, Опытъ изслѣдованія о культурномъ значеніи Византии въ русс. исторіи 62.

⁷⁾ *Поповъ*, о. с. 272. По мнѣнію другихъ изслѣдователей, онъ былъ сербомъ. *Несхрисовъ*, Пахомій Логоветъ 8—9.

Іоаннѣ, который во второй половинѣ XIV вѣка занимался въ лаврѣ св. Аонасія переводами съ греческаго языка на славянскій разныхъ богослужебныхъ и небогослужебныхъ книгъ ¹⁾). Но такъ какъ сообщенные епископомъ Порфиріемъ отрывки имѣютъ всѣ признаки трновской редакціи, то едва ли можно считать слишкомъ смѣлымъ мнѣніе Сырку, что старецъ Іоаннъ былъ „одинъ изъ сподвижниковъ или современниковъ трновскаго патріарха Евонмія“ ²⁾). Величайшій изъ учениковъ „художника словенскихъ письменъ“, Григорій Цамблакъ, также не составлялъ исключенія въ ряду своихъ сотоварищей, но, какъ и они, прошелъ неизбежную въ то время иноческую и литературную школу въ одной изъ аеонскихъ обителей. Вполнѣ безспорнымъ доказательствомъ этого приводе недавно А. И. Яцимирскій въ своей талантливой монографіи, посвященной знаменитому славянскому церковному проповѣднику ³⁾): здѣсь не только имъ окончательно установленъ самый фактъ пребыванія Цамблака на Святой Горѣ, но и указанъ точно монастырь, въ которомъ онъ подвизался и даже переписалъ въ 1389 г. книгу *Исаака Сирина* ⁴⁾). Это—все та же лавра св. Аонасія, которая, повидимому, была любимымъ мѣстопробываніемъ Евонмія и его учениковъ. По не лишеной правдоподобія догадкѣ Яцимирскаго, тутъ же совершилось и иноческое посвященіе Цамблака, прежде Гавріила, теперь Григорія ⁵⁾). Въ своей послѣдующей кипучей литературной и церковно-общественной дѣятельности, которая протекала въ средѣ трехъ славянскихъ народовъ (болгарскаго, сербскаго и русскаго), Григорій Цамблакъ имѣлъ широкую возможность прилагать къ жизни пріобрѣтенный имъ на Святой Горѣ запасъ знаній. Но и Аеонъ не совсѣмъ его забылъ, какъ можно судить по значительному числу его сочиненій, сохранившихся въ одномъ сборникѣ монастыря святого Павла ⁶⁾).

Такимъ образомъ, всѣ ближайшіе ученики Евонмія считали своимъ долгомъ побывать на духовной родинѣ своего учителя. Но и тѣ писатели, которые лично не знали Евонмія, но унаслѣдовали его литературныя традиціи черезъ его учениковъ, тоже, по большей части,

¹⁾ Онѣ перечислены въ записи Синайскаго Октоиха XIV в., описаннаго еп. Порфиріемъ въ книгѣ „Первое путешествіе въ Синайскій монастырь“, стр. 215—216.

²⁾ Сырку, Къ исторіи I, 1, 457.

³⁾ Григорій Цамблакъ. С.-Пб. 1904, стр. 81.

⁴⁾ Яцимирскій, о. с. 33—34.

⁵⁾ Яцимирскій, о. с. 37.

⁶⁾ Яцимирскій, о. с. 33.

стремились понасть на Аеоуъ. Тамъ, по довольно вѣроятной догадкѣ Сырку, Святую Гору посѣтилъ, во время своего путешествія на Востоку, *Константинъ Костенчскій* ¹⁾. Но если бы даже эта догадка оказалась, въ концѣ концовъ, невѣрной, то отъ этого нисколько не умалилось бы значеніе Константина въ исторіи сербской письменности, въ которой онъ примѣнилъ принципы Евѣмиевскаго правописанія. Какъ извѣстно, эти принципы Константинъ усвоилъ у ученика Евѣмія Андроника и потомъ теоретически обосновалъ ихъ въ специальномъ трактатѣ „Сказаніе о письменехъ“ ²⁾. Послѣдній положилъ начало цѣлой литературной школѣ „ресавскаго письма“, которая представляла своеобразный компромиссъ правописанія сербскихъ книгъ съ орографическими приѣмами Евѣмія. Такимъ образомъ, идея великаго болгарскаго святителя объ исправленіи церковныхъ книгъ и ихъ правописаніи, — идея, зародившаяся у него, вѣроятно, еще на Аеоуѣ ³⁾, черезъ посредство его учениковъ сыграла огромную роль и въ сербской литературѣ.

Патріархъ Евѣмій и его ученики были послѣдніе крупные представители аеоискаго монашества изъ болгаръ. Съ половины XIV в. въ славянскихъ монастыряхъ Святой Горы болгарское вліяніе начинаетъ постепенно уступать мѣсто сербскому ⁴⁾, и въ XV в. оно дѣлается господствующимъ. Это произошло, главнымъ образомъ, вслѣдствіе измѣнившихся условій политической жизни на Балканскомъ полуостровѣ. Завоеваніе Стефаномъ Душаномъ г. Серреса (1345 г.) значительно приблизило сербовъ къ Аеоуу географически. Возложивъ на себя императорскій вѣнецъ и провозгласивъ сербскаго архіепископа независимымъ отъ Византіи патріархомъ, „Стефанъ Душанъ, говоритъ Ѡ. И. Успенскій, долженъ былъ искать опоры въ греческомъ духовенствѣ и въ старцахъ Аеоискаго горы. Обиліе выданныхъ въ это время жалованныхъ грамотъ показываетъ, какъ онъ щедро вознаграждалъ своихъ приверженцевъ. Въ декабрѣ 1347 г. Душанъ лично посѣтилъ Аеоуъ и провелъ здѣсь четыре мѣсяца, всюду расточая знаки вниманія и дѣлая богатые приношенія въ монастыри. Несомнѣнно, что сербскимъ

¹⁾ Очерки изъ исторіи литературныхъ сношеній болгаръ и сербовъ въ XI—XVII вв. С.-Пб. 1901, X, С.

²⁾ Издавъ *Яничелъ* въ книгѣ „Разсужденія старшины о церковно-славянскомъ языкѣ“. С.-Пб. 1885—1895.

³⁾ Ср. *Теодоровъ*, *Българска литература*, 81.

⁴⁾ *Некрасовъ*, *Пахомій Логоветъ* 5 и сл.

паремъ руководила въ этомъ отношеніи политическая цѣль—позволевать на Балканскомъ полуостровѣ авторитетъ греческой власти и утвердить симпатіи къ основанному имъ сербскому царству и патриаршеству. Популярное на Аеонѣ и въ Македоніи имя Григорія Паламы имѣло известное значеніе въ планахъ Душана¹⁾. Итъ сомнѣнія, что въ это время притокъ сербскихъ монаховъ въ Аеонскіе монастыри долженъ былъ особенно усилиться. Сравнительно со своими болгарскими товарищами, послѣдніе находились въ болѣе выгодномъ положеніи, такъ какъ получали щедрую помощь не только со стороны сербскихъ государей, но и со стороны многихъ сербскихъ вельможъ и властителей. Между тѣмъ, болгарскіе иноки съ паденіемъ Трновскаго царства въ 1393 г. и Виддинскаго въ 1398 г. были предоставлены сами себѣ. По счастью, въ то время на Аеонѣ еще не было политическаго антагонизма между обоими братскими народами, каковой, къ сожалѣнію, наблюдается теперь. Сербскіе монахи не только не старались вытѣснить болгаръ изъ ихъ насиженныхъ гнѣздъ, но даже охотно пользовались плодами ихъ литературной дѣятельности. Еще при жизни Евеміа и задолго до появленія въ свѣтъ знаменитаго трактата о письменахъ Константина Костенческаго, сербы познакомились на Аеонѣ съ орографической реформой болгарскаго патриарха, и евеміевскія исправленныя книги получили у нихъ такую славу, что онѣ стали у нихъ называться „правымъ святогорскимъ изводомъ“. Доказательствомъ можетъ служить хотя бы то, что два серба, переписывая въ 1374 г. на Синаѣ Цвѣтную Трїодъ, не безъ чувства гордости въ особой записи сообщаютъ, что ихъ оригиналъ принадлежалъ именно къ болгарскому изводу²⁾. Что даже во время побѣдоноснаго шествія турокъ по Балканскому полуострову, Аеонъ не переставалъ служить притягательнымъ центромъ для лучшихъ писательскихъ силъ Сербіи, видно изъ того, что когда деспотъ Стефанъ Лазаревичъ задумалъ обогатить родную литературу новыми переводами, то онъ могъ найти способныхъ выполнить эту задачу лицъ только на Святой Горѣ. Такъ, „собирая разнаго рода книги, рассказываетъ Сырку въ своихъ весьма интересныхъ «Очеркахъ изъ исторіи литературныхъ сношеній», разъ деспотъ

¹⁾ Очерки, 374—375. Болѣе подробно рассмотрѣтъ вопросъ объ отношеніи Душана къ Аеону, старцамъ котораго онъ былъ особенно благодаренъ за ихъ участіе въ вѣнчаніи его на царство въ 1342 г., *Флоринскимъ* въ книгѣ „Южные славяне и Византія“. С.-Пб. 1882, II, 121 и слл.

²⁾ *Востоковъ*, Филологич. наблюденія, стр. 178. *Личъ*, Исторія, стр. 193. *Сырку*, Очерки LXXVIII.

напалъ на книгу *Зонары*, которая, по его мнѣнію, являлась какъ бы новымъ *паралипоменомъ* для другихъ, дополняя недостающее у другихъ писателей и даже недостающее въ книгахъ Моисейскихъ и четырехъ Царствъ. Эту книгу онъ передалъ іеромонаху Тимоѳею, чтобы понести ее на Аѳонъ, въ Хиландарь, для переписки. Видно, деспотъ у себя не имѣлъ еще въ то время людей, которые могли бы совершить это дѣло у него. На Аѳонъ вскорѣ послѣ этого Тимоѳей сдѣлался игуменомъ Хиландарской лавры, и тогда онъ поручилъ переписку этой книги монаху Григорію, который, несмотря на свою болѣзнь, взялся исполнить порученіе, чтобы не казаться ослушнымъ волѣ игумена и не обидѣть деспота, который оказывалъ много благодѣяній Хиландарю. Несомнѣнно, Тимоѳей былъ аѳонецъ, и къ деспоту онъ явился по дѣлу монастырскому, всего вѣрнѣе за милостынею (стр. ХСІІІ—ХСІV). Григорій не просто переписалъ книгу, но критически провѣрилъ ея текстъ по лѣтописи Георгія Амартола, сдѣлавъ, гдѣ нужно, дополненія и сокращенія¹⁾. Это было въ 1408 г. Въ томъ же году нѣкто Радичъ переписалъ для деспота *Цвѣтную Трїодь*. Хотя мѣсто его работы въ точности неизвѣстно, тѣмъ не менѣе довольно вѣроятно, что рукопись явилась въ свѣтъ на Аѳонѣ: отсюда (скитъ Лаккось), по крайней мѣрѣ, вывезъ ее епископъ Порфирій²⁾. Черезъ четыре года другой инокъ Гавріилъ перевелъ въ Хиландарѣ *Толкованіе книги Іова Олимподора*³⁾. Въ томъ же Хиландарѣ болгаринъ Герасимъ переписалъ для деспота какую-то книгу, но неизвѣстно въ точности, когда⁴⁾. Около 1421 г. Стефанъ вызвалъ съ Аѳона одного монаха кини ради вѣрнѣе переписки книжного. Но послѣдній, считая себя „недостойнымъ“ и „невѣждою“, согласился прїѣхать къ деспоту только послѣ вторичнаго приглашенія. Въ Сербїи, въ Люботинской пустыни, близъ монастыря Успенія, онъ переписалъ, по порученію деспота, *Евангеліе*; послѣ этого онъ хотѣлъ вернуться на Аѳонъ, но былъ удержанъ деспотомъ, уговорившимъ его переписать еще слѣдующія книги: *Судей, Левитъ, Второзаконіе, пять книгъ Моисея и Зонару*. Но и эта работа не была послѣдней. По окончаніи ея

¹⁾ Изд. О. М. Бодянский „Паралипоменъ Зонары“ М. 1843. Ср. *Смрку*, *Очерки*, ХСІІІ.

²⁾ Краткій обзоръ собранія рукописей, принадлежавшихъ преосв. еп. Порфирію, 13—14. *Стојановић*, *Записи* I, 67.

³⁾ *Горскій и Невоструевъ*, II, 1, 54—55. *Стојановић*, *Зап.* I, 69.

⁴⁾ *Јачић*, *Гласник* ХЛІІ, 242. *Смрку*, *Очерки* ХL.V.

деспотъ убѣдилъ монаха не покидать Сербіи и даже построилъ для него Рождественскій монастырь на рѣкѣ Далша (въ теперешнемъ Пожаревачкомъ округѣ). Здѣсь вокругъ него собралось скоро до 35 монаховъ, изъ которыхъ нѣкоторые пришли къ своему товарищу съ Афона ¹⁾. По весьма правдоподобной догадкѣ Сырку, „въ связи съ дѣятельностью афонскаго монаха находится работа другого лица — Досисея, въ схимѣ Моисея, который въ 1418 г. списалъ четыре библейскія книги Царствъ, переведенныя не задолго передъ тѣмъ, именно въ 1416 г., для деспота Стефана Лазаревича къ подкрѣпѣнъ горы Прозрака, вблизи храма прѣчистыя Богородицы, или на Лыбостини“ ²⁾. Эта книга весьма замѣчательна для исторіи славянскои письменности въ Сербіи и уже вызвала въ нашей литературѣ цѣлую спеціальную монографію ³⁾. Даже въ послѣдніе годы своего царствованія деспотъ Стефанъ Лазаревичъ не переставалъ поощрять афонскихъ монаховъ къ литературной дѣятельности. Такъ, для его библіотеки была написана *Листвица Иоанна Климака*, по мнѣнію Сырку, тѣмъ же монахомъ, который былъ вызванъ деспотомъ съ Афонской горы ⁴⁾. А въ 1426 г., т. е. за годъ до его смерти, нѣкій монахъ Іаковъ перевелъ на Святой Горѣ *Шестодневъ Иоанна Златоуста*, другую часть котораго перевелъ въ томъ же году попъ Венедиктъ ⁵⁾.

Всѣ эти факты наглядно показываютъ, какъ высоко цѣнились литературныя способности афонскихъ монаховъ еще въ XV в., и неудивительно, что деспотъ Стефанъ Лазаревичъ не жалѣлъ ничего для привлеченія ихъ въ Сербію. И онъ былъ, конечно, не одинъ. По крайней мѣрѣ, достоверно извѣстно, что и деспотъ Юрій Бранковичъ столь же высоко цѣнилъ литературную репутацію афонитовъ: когда онъ убѣдился въ недостаточности древняго Симеоновскаго перевода *Листвицы*, то онъ собралъ въ свою столицу Смедерево множество греческихъ и славянскихъ списковъ этого памятника и пригласилъ туда монаховъ, столѣтнихъ старцевъ изъ Хиландаря, для составленія но-

¹⁾ Всѣ эти данныя находятся въ записи упомянутаго Кванголя мон. св. Павла, отрывокъ котораго вывезенъ св. Порфиріемъ и теперь находится въ Имп. Публ. Библиотекѣ. Ср. *Иоанновичъ*, С археологиче положбе 11, Краткій обзоръ 48—49. Сырку, *Очерки*, ХСVI—ХСVII.

²⁾ Сырку, о. с., ХСVII—ХСVIII.

³⁾ *Попруженко*, Къ исторіи литературной дѣятельности въ Сербіи XV в. „Книги Царствъ“. Одесса 1894 г.

⁴⁾ Сырку, о. с., ХСVIII.

⁵⁾ *Личъ*, Исторія, стр. 200. Сырку, о. с., ХСV—ХСVI.

ваго исправленного текста *Льствицы*. Они блестяще выполнили возложенную на них задачу ¹⁾.

Окончательное падение сербской политической независимости (1459 г.) было тяжелым ударомъ и для славянскихъ монастырей Аеона: они уже не могли рассчитывать на близкую и щедрую поддержку сербскихъ деспотовъ, а помощь румынскихъ господарей и московскихъ царей не всегда приходила во время, какъ вслѣдствіе географической отдаленности Аеона отъ ихъ державъ, такъ и вслѣдствіе ихъ частыхъ политическихъ столкновений съ Турціей. Съ этого-то времени и начинается то постепенное разложение аеонской монашеской общины и падение ея благосостоянія, о которомъ я говорилъ выше въ своемъ историческомъ очеркѣ Аеона. Конечно, параллельно съ его матеріальнымъ упадкомъ, шло и разложение духовное, вслѣдствіе чего и литературная дѣятельность славянскихъ монаховъ сильно понизилась и въ количественномъ, и въ качественномъ отношеніяхъ. Тѣмъ не менѣе, окончательно славянская письменность на Аеонѣ не прекращалась никогда, какъ не прекращались у тамошнихъ иноковъ и литературные интересы. Это доказываютъ уже тѣ огромныя книжныя богатства, которыя аеонскимъ монастырямъ удалось если не создать, то сохранить и сберечь въ самыя тяжелыя для нихъ времена. Несмотря на постоянныя хищенія, которымъ начали подвергаться аеонскія книгохранилища со времени знаменитой экспедиціи Арсенія Суханова; несмотря на частые пожары, опустошавшіе и иногда до тла уничтожавшіе такія огромныя бібліотеки, какъ монастырь св. Павла; несмотря даже на еще болѣе разрушительное дѣйствіе человѣческой злобы и невѣжества,—несмотря на все это, книжныя богатства Аеона колоссальны даже теперь, въ ХХ вѣкѣ! Какими же они должны были быть въ XVI и XVII вв., когда къ прежнимъ вандаламъ еще не присоединились новѣйшіе?!

Но что для насъ дороже всего, такъ это то, что въ сердцахъ славянскихъ монаховъ Аеона, вмѣстѣ съ любовью къ книжному слову, никогда не угасали и любовь къ своей народности и ея сознание. Мало того, многіе изъ нихъ не только свято сохранили для потомства преданія славнаго прошлаго, но даже выступили передовыми бойцами и за лучшее будущее южнаго славянства, когда съ конца XVIII в. оно начало пробуждаться къ новой жизни. Однимъ изъ такихъ протагонистовъ славянскаго возрожденія былъ хиландарскій инокъ Паскій

¹⁾ Горскій и Невоструевъ, I, 2, 217. *Личъ*, Исторія, 198.

(родомъ изъ Самоковской епархіи), который въ 1762 г. написалъ въ Зографскомъ монастырѣ свою знаменитую *Исторію славяно-болгарскую*, положившую начало ново-болгарской литературѣ и ново-болгарскому возрожденію. Подлинникъ этого замѣчательнаго произведенія, которое въ десяткахъ списковъ расходилось по всѣмъ уголкамъ болгарской земли, всюду возбуждая пламенную любовь къ несчастной отчизнѣ и горячіе протесты противъ ея угнетателей, считался потеряннымъ, но въ самое послѣднее время онъ былъ найденъ невредимымъ въ Зографскомъ монастырѣ молодымъ болгарскимъ ученымъ Иорданомъ Ивановымъ. Такимъ образомъ, по знаменательной игрѣ случая, одинъ и тотъ же афонскій монастырь сохранилъ намъ старѣйшіе памятники и древне-болгарской и ново-болгарской литературы!

Изъ того же Хиландарскаго монастыря вышелъ цѣлый рядъ и другихъ болгарскихъ патріотовъ, которые шли по стопамъ Паясія, словомъ и дѣломъ возбуждая своихъ соотечественниковъ къ патріотической дѣятельности. Историкъ болгарскаго возрожденія не можетъ при этомъ не вспомнить съ чувствомъ особенной благодарности о дѣятельности такъ называемыхъ „исповѣдниковъ“. „Исповѣдниками“ назывались афонскіе монахи (преимущественно изъ монастырей Хиландаря и Зографа), которые оставляли пріютившія ихъ обители и шли въ родную землю учить и наставлять населеніе. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что учительная дѣятельность этихъ старцевъ не ограничивалась только наставленіями чисто-религіознаго и нравственнаго характера, но преслѣдовала, между прочимъ, и національно-патріотическія цѣли: они учили своихъ духовныхъ дѣтей любить родной языкъ, дорожить своимъ якобы презрѣннымъ именемъ „болгаръ“ и въ яркихъ краскахъ рисовали имъ шовинизмъ и корыстолюбіе греческихъ фанаріотовъ, которые старались отнять у своей паствы самое дорогое, что осталось у нея послѣ турецкаго разгрома—національное сознание...¹⁾ „Исповѣдники“ подготовили почву для борьбы за болгарскую національную церковь, и когда эта борьба началась по всѣмъ линіямъ, то передовыя изъ нихъ занимали и тогда афонскіе монахи. Достаточно напомнить, что одинъ изъ самыхъ неутомимыхъ вождей въ борьбѣ за болгарскую церковную автокефалію—*Неофитъ Бозвели* былъ архимандритъ Хиландарскаго монастыря, который потомъ и упокоилъ его кости. А его вѣрный другъ, соратникъ и помощникъ *Иларіонъ* былъ секретарь того же монастыря...

¹⁾ *Мареникъ*, Манастиръ Хиландарь. София 1900, стр. 14—15.

Менѣе глубокое вліяніе оказала Святая Гора на сербское національное возрожденіе. Потому-ли, что съ окончательнымъ паденіемъ сербской независимости сербскіе иноки на Аеонѣ лишились щедрыхъ покровителей, или потому, что географическая удаленность его отъ Сербіи препятствовала непрерывному притоку сербскаго элемента, но въ концѣ XVIII в. число сербскихъ монаховъ на Аеонѣ значительно сократилось—даже такіе исконно-сербскіе монастыри, какъ Хиландарь, по своему составу были тогда почти вполнѣ болгарскими¹⁾. Но если, вслѣдствіе этого, Аеонъ не могъ воспитать такихъ энтузіастовъ сербскаго народнаго дѣла, какими были упомянутые болгарскіе дѣятели, то, по крайней мѣрѣ, сама Сербія, на разсвѣтъ своей новой жизни, не забыла о своей духовной родинѣ. Прежде чѣмъ направить корабль сербскаго просвѣщенія рѣшительно по западно-европейскому курсу, Доснеей Обрадовичъ, тогда еще не основатель ново-сербской литературы, а молодой, жаждущій знаній инокъ, рѣшилъ попытаться примирить свои религіозные идеалы съ западно-европейской наукой. И, со свойственнымъ ему чутьемъ, онъ понялъ, что этотъ синтезъ древняго православія съ итогами науки онъ могъ въ то время найти скорѣе всего только въ лекціяхъ Евгенія Булгариса, въ его знаменитой и упомянутой уже нами Аеонской Академіи. Изъ двухъ попытокъ его пробраться на Святую Гору удалась только вторая (1765 г.), но, къ сожалѣнію, она не достигла цѣли: за нѣсколько мѣсяцевъ до прибытія Доснеея, Булгарисъ прекратилъ свои лекціи²⁾. Тѣмъ не менѣе, Доснеей не сразу покинулъ Святую Гору, но провель на ней всю осень и зиму 1765 г., преимущественно проживая въ Хиландарскомъ монастырѣ. Въ этомъ монастырѣ, такимъ образомъ, неслучайно отецъ ново-сербской литературы встрѣтился съ отцомъ ново-болгарской—Пансіемъ. Впрочемъ, для послѣдняго это была не первая встрѣча съ сербскимъ патріотомъ: еще въ 1758 г. Хиландарь посѣтилъ сербскій богословъ Іоаннъ Райчъ, собирая матеріалъ для своей „Исторіи славянъ“; по его примѣру, и Пансій „задумалъ написать свою „Исторію славяно-болгарскую“, которая сыграла потомъ такую огромную роль въ исторіи болгарскаго возрожденія...

Передъ нами прошла вся исторія болгарской и сербской литературы, съ первыхъ лѣтъ ихъ зарожденія и до начала ихъ новаго рас-

¹⁾ *Сава Хиландарци*, Исторія монастыря Хиландара, стр. 27.

²⁾ *Радченко*, Д. Обрадовичъ, 38; *Гавриловичъ*, Д. Обрадовичъ, 34.

цвѣта въ концѣ XVIII в.... И мы видѣли, что не было ни одного періода, когда бы Аѳонская гора переставала вліять на эти литературы то какъ огромный университетъ всевозможныхъ знаній, то какъ гигантская лабораторія безчисленнаго количества литературныхъ произведеній, то какъ центръ религіозныхъ и философскихъ движеній. Десять вѣковъ Аѳонъ былъ главнымъ умственнымъ средоточіемъ южно-славянскоѣ интеллигенціи, *exilium corporis et paradysus animi* ея лучшихъ представителей и широкимъ поприщемъ для моральныхъ подвиговъ, не аскетическихъ только, но и литературныхъ... Неудивительно поэтому, что почти всѣ выдающіеся литературные дѣятели изъ югославянъ вышли изъ среды аѳонскихъ монаховъ, или воспитались подѣ вліаніемъ послѣднихъ, и неудивительно, что *вся исторія юго-славянскихъ литературъ есть, въ сущности, исторія большаго или меньшаго вліанія аѳонскихъ идеаловъ на духовную культуру православнаго славянства Балканскаго полуострова.*

Но значеніе Аѳона не ограничивается только его постояннымъ вліаніемъ на болгарскую и сербскую литературу. Вѣдь извѣстно, что южно-славянская литература, въ свою очередь, оказала громадное вліаніе и на развитіе литературы русскаго народа. Относительно древнѣйшаго періода послѣдней можно даже говорить не о подражаніи ея другой, а о почти полномъ тождествѣ обѣихъ, такъ какъ, по справедливимъ словамъ акад. А. И. Соболевскаго, „русская литература получила начало отъ литературы южно-славянскоѣ (древне-болгарскоѣ), и первые ея памятники, за немногими исключеніями,—не болѣе, какъ списки съ памятниковъ южно-славянскихъ“¹⁾. Но если такъ, то все сказанное нами о значеніи Аѳона для древнѣйшаго періода южно-славянскоѣ литературы *mutatis mutandis* можетъ быть съ полнымъ правомъ отнесено и къ древне-русскоѣ литературѣ... Послѣ нѣкотораго ослабленія литературнаго взаимодействія между Русью и балканскими славянами,—ослабленія, вызваннаго завоеваніемъ Болгаріи греками, а Руси татарами,—южно-славянское вліаніе на русскую литературу возобновилось съ неожиданной силой во второй половинѣ XIV в. и продолжалось непрерывно почти цѣлый вѣкъ. Въ результатъ этого вліанія русская литература не только увеличилась почти вдвое, не только обогатилась и качественно новыми и неизвѣстными до сихъ поръ произведеніями, не только замѣнила неисправные богослужебные тексты исправными, но и накопила огромный матеріалъ самостоятель-

¹⁾ Переводная литература Московскоѣ Руси, С.-Пб. 1903, стр. 6—7.

ныхъ историческихъ энциклопедій, въ родѣ *Хронографы* ¹⁾). Но мы видѣли выше, что новый расцвѣтъ южно-славянской литературы въ XIV в. находился въ прямой зависимости отъ возрожденія мистицизма на Святой Горѣ при Григоріи Синаитѣ и его многочисленныхъ подражателяхъ. Слѣдовательно, и вошедшая въ сферу южно-славянскаго вліянія русская литература XIV—XV вв. также обязана своимъ расцвѣтомъ въ конечномъ итогѣ именно этому могучему религіозно-философскому движенію. На лучахъ аеонскаго солнца, по мнѣнію нѣкоторыхъ исследователей ²⁾, пустили ростки и зародыши ученій стригольниковъ и жидовствующихъ, впоследствии сыгравшихъ такую огромную роль въ исторіи умственныхъ теченій въ древней Руси; на этихъ лучахъ грѣлись и многіе южно-славянскіе писатели, которые посвятили потомъ большую часть своей жизни Россіи. Таковы, напримѣръ, были упомянутые уже московскій митрополитъ Кипріанъ и кievскій—Цамблагъ, таковъ былъ и сербскій іеромонахъ Пахомій Логоетъ, начинающій собой новый періодъ въ исторіи русской житійной литературы. А примѣръ несчастнаго Максима Греча блестяще доказываетъ, что даже аеонскіе греки дѣлались въ Россіи иногда корифеями цѣлыхъ литературныхъ движеній.

Вообще, если древне-русскую литературу можно сравнить съ моремъ, то значительная часть его водъ была принесена южно-славянскими ручьями. Но съ благодарностью пользуясь услугами своихъ соплеменниковъ, наши предки старались въ то же время черпать эти воды непосредственно изъ главнаго ихъ источника—Аеона. И уже упоминалъ о томъ, что основатель Киево-Печерскаго монастыря—св. Антоній прошелъ аскетическую школу на Аеонѣ, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ успѣлъ передать лучшія аеонскія традиціи своимъ послѣдователямъ въ „культурномъ центрѣ домонгольской Россіи“ ³⁾, который не даромъ сталъ потомъ родиною русской литературы вообще. Но какъ мы видѣли выше, и на самомъ Аеонѣ очень рано появился русскій монастырь, а вмѣстѣ съ нимъ должны были тамъ появиться и русскія книги. И дѣйствительно, изъ сохранившейся описи русскаго монастыря Ксилургу, мы знаемъ, что ему принадлежали русскія рукописи *апостоловъ, ирмологіевъ, синаксарей, паремейниковъ, минологіевъ, твореній Ефрема*

¹⁾ *Соболевскій*, ib., 13—14.

²⁾ *Некрасовъ*, Пахомій Логоетъ, 4. *Успенскій*, Очерки, 388.

³⁾ *Goetz*, Das Kiever Höhlenkloster, Passau 1904.

Сирина и *номоканоновъ* ¹⁾). А такъ какъ нельзя допустить, что всѣ эти рукописи были перевезены сюда изъ Россіи, то остается предположить, что, по крайней мѣрѣ, часть ихъ была переписана (а, можетъ быть, и переведена) русскими монахами на мѣстѣ ²⁾). Конечно, русскіе инокъ имѣли на Афонѣ близкія сношенія со своими соплеменниками, но, по мнѣнію, Соболевскаго, „не со всѣми, а лишь съ одними болгарами; вслѣдствіе этого, одна часть переводовъ и оригинальныхъ сочиненій, бывшихъ у сербовъ Афона въ XIV и началѣ XV вѣковъ, русскимъ осталась совсѣмъ или почти совсѣмъ неизвѣстна; съ другою мы познакомились черезъ посредство болгаръ. Отсюда понятно, почему русскіе списки, сдѣланные прямо съ сербскихъ оригиналовъ и потому болѣе или менѣе изобилующіе сербизмами,—такъ рѣдки“ ³⁾).

Какъ ни мало милостива была судьба въ памятникамъ русской дѣятельности на Святой Горѣ, все-таки, до насъ дошли имена нѣсколькихъ русскихъ монаховъ, способствовавшихъ распространенію въ Россіи южно-славянскихъ текстовъ.

Таковъ былъ, напримѣръ, извѣстный основатель Вышерскаго монастыря подъ Тверью—Савва. Онъ принесъ изъ Афонской горы „Правила“, вошедшія впоследствии въ составъ *Кормчія* Вассіана Патриарха ⁴⁾).

Таковъ былъ новгородскій игумень Иларіонъ, привезшій съ Афона оригиналъ *Пандектовъ* Никона Черногорца, 1397 г. ⁵⁾).

Таковъ былъ Досифей, архимандритъ Печерскій, вынесшій *Правило Святой Горы* ⁶⁾).

Таковы были „убогій“ Евсеій и „непотребный“ Ефремъ Русинъ, получившіе въ 1425 г. отъ Іакова Доброписца *Постническія слова* Максима Исповѣдника ⁷⁾).

Таковъ былъ іеромонахъ Аѳанасій Русинъ, переписавшій въ тридцатыхъ годахъ XV ст. *житія* св. Аѳанасія Афонскаго и Григорія Оми-

¹⁾ *Иконниковъ*, Опытъ изслѣдованія о культурномъ значеніи Византии въ русск. исторіи, Кіевъ 1869, 59.

²⁾ Правосл. Собес., 1859 г. III, 372.

³⁾ *Соболевскій*, Переводная литература Московской Руси, стр. 11.

⁴⁾ *Соболевскій*, о. с., 32.

⁵⁾ *Соболевскій*, ib.

⁶⁾ *Соболевскій*, ib.

⁷⁾ *Соболевскій*, ib.

ритскаго и въ 1430 г. купившій въ м. Пандократора *Четвероевангелие* ¹⁾).

Таковы были далѣе Митрофанъ Бывальцевъ, Иона, игуменъ угрѣшскій ²⁾ и многіе другіе, которые также обогатили нашу литературу множествомъ аеонскихъ книгъ, но именъ которыхъ мы не знаемъ, да и врядь-ли узнаемъ когда. Напримѣръ, неизвѣстно, кѣмъ доставлены въ Россію такія важныя рукописи, какъ *Толкованія словъ Григорія Богослова* и *Лѣтописиъ Георгія Никона* ³⁾).

Нѣкоторые изъ русскихъ иноковъ, побывавъ на Аеонѣ, до такой степени проникались его идеями, что, по возвращеніи на родину, посвящали всю свою жизнь ихъ пропагандѣ, и притомъ не только словомъ, т. е. своими сочиненіями, но и дѣломъ, т. е. устраивая скиты по образцу аеонскихъ отшельниковъ. Таковы были, напримѣръ, Епифаній, авторъ житія Сергія Радонежскаго, ученикъ послѣдняго—Сергій Нуромскій, Арсеній Коневскій и въ особенности Нилъ Сорскій, одна изъ самыхъ талантливыхъ личностей Московской Руси,—писатель, идеи котораго и теперь еще находятъ убѣжденныхъ послѣдователей ⁴⁾. Словомъ, вполне былъ правъ проф. Некрасовъ, когда въ своей диссертациі о Пахоміи Логоетѣ констатировалъ, что „почти все передовое въ литературномъ отношеніи Руси XV в. [и XVI] стояло въ связи съ Византіей и особенно съ Аеономъ“ ⁵⁾.

И подобно тому, какъ въ XVIII в. Аеонъ сыгралъ извѣстную роль въ исторіи болгарскаго и сербскаго возрожденія, въ томъ же столѣтіи онъ оказалъ не менѣе благотворное вліяніе на культурный ренессансъ одной изъ крупнѣйшихъ племенныхъ разновидностей русскаго народа—малороссовъ. Я разумѣю знаменитаго Паисія Величковскаго, литературная дѣятельность котораго находилась въ тѣснѣйшей связи съ возрожденіемъ аеонскаго мистицизма въ концѣ прошлаго вѣка ⁶⁾. Какъ извѣстно, Паисій основалъ на Аеонѣ Ильинскій скитъ, который и теперь населяется преимущественно малороссами...

Г. ИЛЬИНСКІЙ.

¹⁾ *Соболевскій*, 31.

²⁾ Прибавл. къ твор. отцовъ церкви, 1853, II, 813.

³⁾ Прав. Собес. 1859, III, 383.

⁴⁾ *Драгальскій*, Нилъ Сорскій и Вассіанъ Патрикѣвъ. С.-Пб. 1882.

⁵⁾ *Некрасовъ*, стр. 19.

⁶⁾ *А. И. Яцимирскій*, „Почетъ“, 185.